UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01247188 4

Ol'khovik, Petr Vasil'evich
Pis'ma Petra Vasil'evicha
Ol'khovika

UB
342
R9
O56

LETTRES DE PIERRE OLKHOVIK.
Prix : 80 cms. ; 8 d. ; 15 cts. ; 80 hell. ; 60 Pf. ; 30 коп.

ОТКАЗЪ ОТЪ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

ПИСЬМА КРЕСТЬЯНИНА

Петра Васильевича Ольховика

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

Изданіе „Свободнаго Слова".

№ 5.

A. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England.
1897.

ИЗДАНІЯ „СВОБОДНАГО СЛОВА“.

A. Tchertkoff, Christchurch, Hants, England.

№		Р.	К.
1.	Напрасная Жестокость. *В. Черткова.*	—	20
2.	Голосъ Древней Церкви. *И. Трегубова.* (Распрод.)	—	12
3.	Помогите! Обращеніе къ обществу. *П. Бирюкова, И. Трегубова и В. Черткова.*	—	12
4.	Положеніе духоборовъ на Кавказѣ въ 1896 г. *П. Бирюкова и В. Черткова.*	—	20
5.	Письма Петра Васильевича Ольховика.	—	30
6.	Какъ читать Евангеліе, и въ чемъ его сущность? *Л. Н. Толстого.* (2-ое изданіе.)	—	12
7.	Приближеніе Конца. *Л. Н. Толстого.*	—	12
8.	Объ отношеніи къ государству. (2-ое изданіе.) (3 письма: къ либераламъ и друг.) *Л. Н. Толстого.*	—	20
9.	Царство Божіе внутри васъ. (2-ое изд.) *Его же.*	1	—
	То же, съ портретомъ автора (1902 г.)	1	50
10.	Христіанское ученіе. (2-ое изданіе.) *Его же.*	—	50
11.	Гдѣ братъ твой? *В. Черткова.* (Распродано)	—	20
12.	Голодъ или не голодъ? *Л. Н. Толстого.*	—	10
13.	Мой отказъ отъ военной службы. *А. Шкарвана.*	—	60
14.	Свободное Слово, № 1. (Распродано)	1	—
15.	Листки Свободнаго Слова, № 1. Повременное изданіе подъ редакціей *В. Черткова.* (Распродано).	—	20
16.	Листки Свободнаго Слова, № 2.	—	20
17.	Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина. Составилъ *Е. Поповъ*, съ послѣсловіемъ *Л. Н. Толстого.*	—	60
18.	Николай Палкинъ. — Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ. Дорого стоитъ. *Л. Н. Толстого.*	—	20
19.	Свободное Слово, № 2.	1	—
20.	Листки Свободнаго Слова, № 3.	—	30
21.	Воскресеніе. Романъ *Л. Н. Толстого.*		
	Четвертое изданіе. Съ иллюстраціями. Въ переплетѣ.	5	—
	Пятое изданіе. Въ одномъ томѣ.	1	50
22.	Листки Свободнаго Слова, № 4. „Стыдно“. *Л. Н. Толстого.*	—	5
23.	Листки Свободнаго Слова, № 5. Письмо къ фельдфебелю. *Л. Н. Толстого.*	—	5
24.	Листки Свободнаго Слова, № 6. О манифестаціяхъ въ пользу мира.	—	15
25.	Листки Свободнаго Слова, № 7. Мысли Герцена.	—	5
26.	Листки Свободнаго Слова, № 8. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи.	—	20
27.	Листки Свободнаго Слова № 9. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи.	—	20
28.	О сожженіи оружія. Разсказъ *Н. Зибарова.*	—	20
29.	Студенческое движеніе 1899 г. Сборникъ подъ редакціей *А.* и *В. Чертковыхъ.* (2-ое изданіе.)	—	30

Ol'khovik, Petr Vasil'evich

ПИСЬМА

ПЕТРА ВАСИЛЬЕВИЧА ОЛЬХОВИКА,

крестьянина Харьковской губерніи, отказавшагося отъ воинской повинности въ 1895 *году,*

ПИСЬМО Л. Н. ТОЛСТОГО

и другія свѣдѣнія, относящіяся къ этому дѣлу.

Pismo Petra Vasil'evicha Ol'khovika

Изданіе Владиміра Черткова.

№ 5

ЛОНДОНЪ

1897.

Читателя просятъ имѣть въ виду, что письма П. В. Ольховика напечатаны здѣсь безъ всякой редакціонной обработки.

UB
342
R9
O56

LIBRARY
FEB 13 1968
UNIVERSITY OF TORONTO

ПИСЬМА ПЕТРА ВАСИЛЬЕВИЧА ОЛЬХОВИКА.

1.

1895 года. Октября 15 дня, я былъ призванъ въ городъ Бѣлополье (Харьковской губерніи, Сумскаго уѣзда) къ отбыванію воинской повинности. Когда пришла очередь мнѣ тянуть жеребій, я отказался и сказалъ, что я жеребья тянуть не буду. Чиновники всѣ посмотрѣли на меня, потомъ поговорили другъ съ другомъ и спросили меня, почему я не буду тянуть?

Я отвѣчалъ, что это потому, что я ни присягать, ни ружья брать не буду.

Они сказали, что это дѣло будетъ послѣ, а жеребій тянуть надо.

Я опять отказался. Тогда они велѣли тянуть старостѣ жеребій. Староста вытянулъ, — оказался № 674. Записали.

Секретарь глянулъ на меня и сказалъ: ступай, но другой крикнулъ: стой, не ходи, зачѣмъ уходишь?

Я вернулся и сказалъ: а вотъ велятъ итти, потому я и ухожу.

Но тотъ чиновникъ, который завернулъ меня, закричалъ: молчи, тутъ нечего разговаривать. Это тебѣ не съ попами. Мы здѣсь тебя усовѣщать, какъ усовѣщаютъ попы у васъ дома, не будемъ, тутъ какъ доймемъ, такъ и вѣкъ будешь помнить. Задамъ такъ, что и за десять лѣтъ домой не вернешься.

Потомъ отвели меня въ сторону: записали что-то и сказали: ступай.

Я вышелъ изъ присутствія, пошелъ на квартиру, побылъ еще два дня, пока пришла очередь итти въ пріемъ. Я подумалъ: не итти, силой поведутъ, раздѣнутъ, разозлятся, и будетъ хуже.

Когда смѣрили ростъ, меня похвалили за хорошее сложеніе тѣла и записали въ гвардію.

Воинскій начальникъ подошелъ туда, гдѣ записываютъ, и сказалъ: смотри, если что́, то безъ зачета отдадимъ.

Стали перезывать и ставить всѣхъ въ ряды, а меня поставили отдѣльно. Вышелъ воинскій начальникъ и велѣлъ весть въ церковь. Поставили опять въ ряды, а меня впереди. Пришелъ попъ, принесъ листъ, на которомъ была списана присяга. Велѣлъ поднять руки. Всѣ подняли, я не поднялъ.

Воинскій подошелъ и сказалъ: нужно поднять руку. Я отказался. Онъ сказалъ: нужно присягать. Я тоже отказался. Онъ грозилъ Сибирью, но я сказалъ, что лучше итти въ Сибирь, и я пойду, но присягать не буду. Онъ разодралъ отпускной билетъ, и меня опять повели въ присутствіе.

Вечеромъ велѣли итти домой. Я пошелъ, зашелъ на квартиру; но тутъ староста побоялся, чтобы я не убѣжалъ куда нибудь, арестовалъ меня и повели меня на Рѣчки, (въ слободу), а потомъ по волостямъ на Сумы, къ воинскому начальнику.

2.

Сумы.

Въ Сумы меня привели 21 Октября. Когда привели меня въ канцелярію къ воинскому начальнику, тамъ были какіе-то люди молодые. Спросили: зачѣмъ пришли? Сотскій подалъ пакетъ. Одинъ взялъ, прочиталъ, потомъ сказалъ: погодите, сейчасъ придетъ. Потомъ обращается ко мнѣ и говоритъ: значитъ ты не присягалъ?

— Да, говорю, не присягалъ.

Другой подходитъ: такъ и не присягалъ? Плохо, говоритъ, тебѣ будетъ. — замучаютъ.

Я сказалъ: самъ знаю, что плохо.

— Что же, говоритъ, не боишься?

Я сказалъ: плотская смерть для меня не страшна.

Входитъ дѣлопроизводитель. Ему говорятъ: вотъ человѣкъ—не присягалъ.

Онъ говоритъ: вотъ дуракъ,—пропадетъ. Потомъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: развѣ можно не присягать? вѣдь это дѣло законное, нельзя нарушать закона.

Я на это ничего не отвѣтилъ. Онъ ушелъ.

Входитъ воинскій начальникъ, вызываетъ меня въ канцелярію и спрашиваетъ: кто тебя всему этому научилъ, что ты не хочешь присягать?

Я отвѣтилъ: самъ научился, читая Евангеліе.

Онъ говоритъ: не думаю, чтобы ты самъ понялъ такъ Евангеліе, вѣдь тамъ все непонятно: чтобы понимать, для этого надо много учиться.

На это я сказалъ, что Христосъ училъ не мудрости, потому что самые простые неграмотные люди и тѣ понимали его ученіе.

— А съ какихъ поръ ты началъ понимать Евангеліе?

Я сказалъ: съ тѣхъ поръ какъ началъ читать — еще въ школѣ, съ тѣхъ поръ пересталъ клясться.

Онъ спросилъ: а какой же ты вѣры?

Я сказалъ: вѣры Христа.

Онъ говоритъ: да вѣдь и я вѣры Христа, а всетаки этого не дѣлаю.

Я помолчалъ. Потомъ онъ спросилъ: а какого ты вѣроисповѣданія?

Я сказалъ: христіанинъ.

Онъ спрашиваетъ: православнаго?

Я отвѣчаю: нѣтъ, не православнаго.

— А почему же ты не православный?

— Потому что я не признаю православныхъ обрядовъ.

Онъ опять говоритъ: а какой же ты христіанинъ, когда не православный?

Я сказалъ: христіанинъ вѣры Христа.

Тутъ стоялъ дѣлопроизводитель. Онъ обратился ко мнѣ и сказалъ: клясться грѣхъ въ неправдѣ.

А я на это сказалъ, что правда и безъ клятвы хороша.

Воинскій на него глянулъ и сказалъ: нѣтъ, это не то.

Потомъ обратился и сказалъ: васъ навѣрно научилъ этому князь Хилковъ?

Я сказалъ, что князя Хилкова я не видѣлъ, но знаю, гдѣ онъ жилъ, и я отъ него не учился.

Онъ спрашиваетъ: далеко ли отъ васъ онъ жилъ?

Я сказалъ: верстъ двѣнадцать.

Онъ опять сказалъ: всетаки кто нибудь да навелъ васъ на это, сами вы бы ничего не узнали.

Я сказалъ: читая Евангеліе, мы сами все это узнали.

Онъ опять спросилъ: такъ значитъ присягать не будешь?

Я сказалъ, что не буду.

Тогда онъ сказалъ солдату, чтобы отправилъ меня въ команду. Съ солдатомъ мы пошли въ кухню, тамъ одинъ солдатъ обѣдалъ. Я попросилъ обѣдать.

Онъ сказалъ: милости просимъ; насыпалъ еще борщу, а потомъ каши. Пообѣдали.

Послѣ обѣда начали спрашивать меня, почему не присягалъ?

Я сказалъ: потому что въ Евангеліи сказано: не клянись вовсе.

Они удивились; потомъ спросили: да развѣ это есть въ Евангеліи? А ну найди.

Я нашелъ, прочиталъ, они послушали.

— Хотя и есть, а всетаки нельзя не присягать, потому что замучатъ.

Я сказалъ на это: кто погубитъ земную жизнь, тотъ наслѣдуетъ жизнь вѣчную, а кто сбережетъ земную жизнь, тотъ потеряетъ жизнь вѣчную.

Они посмотрѣли на меня и сказали: смотри-ка, мужикъ, хохолъ, а какой разумный. Ты все говоришь правильно, а присягать надо, а то убьютъ или замучатъ. Намъ тебя жаль, хорошій ты парень. Ты этимъ, говорятъ, ничего не оставишь добраго, если не присягнешь, а если присягнешь, то лучше сдѣлаешь: выслужишься, пойдешь домой и опять будешь такъ жить.

Отсюда повелъ меня солдатъ въ казармы. Тутъ тоже встрѣтился съ молодыми солдатами. Тутъ тоже начали спрашивать про отказъ. Я имъ говорилъ все какъ было, они стали жалѣть меня и всетаки говорятъ:

— Не совѣтуемъ тебѣ этого, потому что замучатъ. Присягай, ты по своему разуму сейчасъ заслужишь начальника.

Но я сказалъ, что начальникомъ быть грѣшно, потому что Христосъ сказалъ: большій изъ васъ да будетъ всѣмъ меньшій, начальствующій будь какъ служащій; а если начальникомъ быть, то нужно дѣлать насиліе надъ людьми, а всякое насиліе надъ людьми есть грѣхъ.

Тутъ два человѣка очень слушаютъ, когда я что нибудь читаю или говорю. И говорятъ, когда другіе станутъ противорѣчить: это истинная правда. Онъ говоритъ такъ: если слушать законъ людской, то законъ Божій надо отвергать, а если исполнять законъ Божій, то законъ людской надо отвергать.

Говорятъ они мнѣ часто: смотри, Петръ, не унывай, не робѣй, пускай и на самый растрѣлъ ведутъ, то не бойся, терпи все. Это ты задумалъ великое дѣло.

Я имъ отвѣчаю: да, надо все терпѣть за ученіе Христа, всякія гоненія, лишенія и страданія и даже самую смерть.

И много, много разговоровъ здѣсь бываетъ, и все жалѣютъ меня и говорятъ: жаль мнѣ тебя, Петръ, замучаютъ, — хорошъ парень.

Я думаю, что уже приближается Царствіе Божіе на землю, потому что видно перемѣну людей.

Здѣсь мнѣ хорошо, утромъ чай даютъ, въ обѣдъ борщъ и каша, вечеромъ кандеръ.*) Сплю на кровати, мягко и тепло. Духомъ бодръ и тѣломъ здоровъ.

3.

Харьковъ.

Въ бригадѣ назначили меня на Амуръ. 17 Ноября изъ бригады пришло распоряженіе къ Сумскому воинскому начальнику, чтобы онъ отправилъ меня въ Харьковъ въ 122 Тамбовскій полкъ, въ распоряженіе командира полка. И вотъ 18 числа, въ 12 часовъ дня, солдатъ съ шашкой сѣлъ со мною въ пассажирскій поѣздъ, и пріѣхали мы въ восемь часовъ вечера въ Харьковъ. Долго искали мы помѣщеніе этого полка и наконецъ нашли. Сначала пошли въ канцелярію, тамъ записали и отправили въ размѣщеніе. Койки здѣсь не было, спалъ на голомъ полу.

На другой день, т. е. сегодня, опредѣлили меня въ третью роту Тамбовскаго полка. Здѣсь я буду до весны, а весной повезутъ на Амуръ. Съ Сумскаго уѣзда во время разбивки на Амуръ назначили 20 человѣкъ. И тѣ здѣсь будутъ до весны, потому что туда зимой нельзя ѣхать. Харьковъ подобенъ хаосу или лѣсу, въ которомъ не видать ни одной лучинки свѣта.....

Прошу васъ, дорогіе мои, какъ можно лучше любите другъ друга, любовь всего достигаетъ. Съ тѣмъ прощайте, обнимаю и цѣлую васъ. Передайте мой задушевный привѣтъ всѣмъ моимъ друзьямъ.

4.

1895 года 26 Ноября.

Теперь я сижу въ Харьковѣ на гауптвахтѣ 122 пѣхотнаго Тамбовскаго полка. Причина этому слѣдующая: 20 числа меня поставили въ рядъ съ другими молодыми солдатами и разсказали намъ солдатскія правила.

Я имъ сказалъ, что я ничего этого не буду дѣлать. Они спросили: почему?

Я сказалъ: потому что, какъ христіанинъ, не буду носить оружія и защищаться отъ враговъ, потому что Христосъ велѣлъ любить и враговъ.

---

*) Жидкая пшенная похлебка.

Унтеръ-офицеръ сказалъ: хорошо, я доложу ротному командиру.

22 Ноября пришелъ ротный командиръ и полуротный. Позвали меня въ ротную канцелярію, которая въ этой же казармѣ.

Когда я вошелъ, ротный командиръ спросилъ: это кто?

Фельдфебель, тутъ же стоявшій, сказалъ: это штундистъ, тотъ, что не хочетъ заниматься.

Онъ обратился ко мнѣ съ крикомъ и спросилъ: ты почему заниматься не хочешь?

Я сказалъ: потому что я оружія не буду носить, поэтому и заниматься не буду.

— А оружіе почему ты не будешь носить?

Я сказалъ: оружія не буду носить потому, что я христіанинъ, а по ученію Христа надо и враговъ любить, а не бить, поэтому оно и не нужно для меня.

Онъ опять сказалъ: да развѣ только ты одинъ христіанинъ? вѣдь мы же всѣ христіане, а этого не дѣлаемъ.

Я сказалъ: про другихъ я ничего не знаю, знаю только про себя, что Христосъ говорилъ дѣлать то, что́ я дѣлаю.

Онъ опять сказалъ: если ты не будешь заниматься, то я тебя сгною въ нарахъ.

На это я сказалъ: что́ хотите, то и дѣлайте со мной, а служить я не буду.

Онъ обратился къ полуротному командиру: что́ съ нимъ дѣлать?

Тотъ сказалъ: надо къ священнику, пусть приведетъ къ православію, а такъ съ нимъ ничего не сдѣлаешь.

Послѣ этого ротный сказалъ: ступай. Я пошелъ, а онъ фельдфебелю говоритъ: заниматься нужно съ нимъ получше, пороть какъ пса, тогда онъ и будетъ заниматься.

Минуты черезъ три опять солдаты зовутъ къ ротному. Я пошелъ. Онъ спросилъ: грамотный ли ты? Смотри, говоритъ, чтобъ ты мнѣ занимался.

Я сказалъ, что не буду заниматься. Онъ опять сказалъ: ступай. Я пошелъ.

Только что сѣлъ, а они вышли изъ канцеляріи въ казарму и опять въ третій разъ позвали меня. Спросили какъ звать отца, какъ имя и фамилія? Я разсказалъ. Записали.

Ротный командиръ опять обратился ко мнѣ съ словами: если ты не будешь заниматься, то заставлю выпороть розгами.

Я сказалъ: это власть ваша, что́ хотите, то и дѣлайте со мной, а служить я не буду.

Потомъ ефрейторъ сказалъ: иди за мною. Я пошелъ за нимъ въ другой конецъ казармы; потомъ говоритъ: стой; и когда я сталъ и оглянулся назадъ, то увидѣлъ я, что за мной ведутъ еще солдата, поставили вблизи отъ меня и велятъ мнѣ поставить ноги вмѣстѣ.

Я сказалъ: для меня такъ стоять удобнѣе.

Унтеръ-офицеръ взялъ меня за плечи и началъ толкать своими ногами объ мои ноги и говорилъ: поставь ноги такъ, чтобы каблуки были вмѣстѣ, а носки врозь; но я этого не дѣлалъ, какъ велѣли, и сказалъ: что́ хотите, дѣлайте со мной, но я заниматься не буду.

Тутъ стояли ротный командиръ и полуротный и смотрѣли, какъ толкалъ меня унтеръ-офицеръ.

Я повернулся къ нимъ и сказалъ: вотъ какъ дѣлаютъ христіане, насиліемъ хотятъ заставить.

Ротный сказалъ: я тебя, е. т. м., еще розгами буду заставлять, и съ этими словами пошелъ въ канцелярію.

Полуротный послѣ всего этого спросилъ меня: почему же ты не говорилъ этого раньше, еще въ своемъ уѣздѣ?

Я сказалъ, что все это я ужъ говорилъ и въ пріемѣ, и у воинскаго начальника въ Сумахъ.

Онъ спросилъ: что же они тебѣ говорили?

Я сказалъ: въ пріемѣ говорили — сошлемъ, а полковникъ ничего не говорилъ, а посылалъ въ бригаду, откуда и получилъ отвѣтъ, чтобы поставить меня сюда.

Съ тѣмъ и ушли изъ казармы. Вечеромъ меня унтеръ-офицеръ водилъ къ полковому попу. Попъ призналъ меня неисправимымъ.

Попъ спрашивалъ, какого я вѣроисповѣданія? Я сказалъ: христіанинъ.

Онъ спросилъ: православный? Я сказалъ: нѣтъ не православный.

Онъ опять спросилъ: а какой же? Я сказалъ: христіанинъ вѣры Христа.

Онъ сказалъ: да такой вѣры нѣтъ, христіанъ есть много, и всѣ они имѣютъ названіе: то православные, то лютеране, то католики; есть христіане духоборы, молокане и много другихъ, и вотъ ты скажи намъ, какую ты религію исповѣдуешь?

Я сказалъ: я никакой религіи не признаю, кромѣ ученія Христа.

Онъ опять спросилъ: а на чемъ же ты основываешь свою вѣру? Я сказалъ: на любви Отца небеснаго.

Потомъ онъ сказалъ: вотъ въ Россіи есть двѣ секты, которыя не хотятъ служить, одна взята изъ нѣметчины, а другая русская: это — толстовщина. Такъ вотъ, скажи намъ: къ какой изъ нихъ ты принадлежишь?

Я сказалъ: я не сектантъ, а христіанинъ, потому и не могу принадлежать къ сектѣ.

И такъ послѣ всѣхъ этихъ разговоровъ офицеръ записалъ, что я ничего не признаю изъ православія.

Отъ попа онъ повелъ меня на гауптвахту, гдѣ я и сейчасъ нахожусь арестованъ. Карцеръ просторный, свѣтлый и теплый, лампа горитъ цѣлую ночь, дверь заперта, и стоитъ солдатъ съ ружьемъ и смотритъ въ дыру, прорѣзанную въ двери, черезъ каждыя пять минутъ. Къ вѣтру водятъ два солдата съ ружьями утромъ и вечеромъ. Обѣдать даютъ борщъ и кашу, а въ ужинѣ супъ.

Здѣсь я буду находиться до распоряженія командира полка. Навѣрное будутъ судить и накажутъ; но я въ этомъ нисколько не смущаюсь. Апостолъ Петръ говритъ объ этомъ: „и кто сдѣлаетъ вамъ зло, если вы будете ревнителями добраго? Но если и страдаете за правду, то вы блаженны. А страха ихъ не бойтесь и не смущайтесь.“ (I пос. Петр. гл. 3, ст: 13—14.) „Если злословятъ васъ за имя Христово, то вы блаженны, ибо духъ славы, духъ Божій почиваетъ на васъ. Тѣми онъ хулится, а вами прославляется. Только бы не пострадалъ кто изъ васъ, какъ убійца, или воръ, или злодѣй, или какъ посягающій на чужое. А если какъ христіанинъ, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь.” (I пос. Петр. гл. 4, ст: 14, 15, 16.)

Въ карцеръ ко мнѣ входятъ каждый день офицеры, спрашиваютъ: за что арестованъ? Я имъ отвѣчаю: служить не желаю.

Спрашиваютъ: почему? Я отвѣчаю имъ: хочу выполнить заповѣдь Христа о любви къ врагамъ.

Спрашиваютъ: откуда и какого сословія? На все это я отвѣчаю, какъ кто спроситъ.

Съ тѣмъ прощайте, остаюсь живъ, здоровъ. Душевное состояніе хорошее. Письма мои, какъ только буду писать, будутъ всѣ прочитаны какимъ нибудь офицеромъ. Писать безъ вѣдома начальства нельзя.

5.

Харьковъ. 5 Декабря 1896.

1 Декабря ко мнѣ въ карцеръ приходили опять тотъ же попъ и офицеръ. Опять спрашивали, какой я секты? Я ихъ спросилъ, для чего это имъ такъ нужно. Они говорили: нужно написать о тебѣ высшему начальству, а потому и нужно это. Я сказалъ: вотъ такъ и пишите, что я христіанинъ. Съ тѣмъ они и пошли.

Ко мнѣ въ карцеръ часто входятъ офицеры, спрашиваютъ откуда, какого сословія и за что сижу. Сидѣть я буду здѣсь, неизвѣстно до какихъ поръ, посадили до распоряженія.

6.

Одесса. 1896 г. Февраля 11 дня.

Теперь нахожусь я въ городѣ Одессѣ. 7 Февраля выѣхали, а пріѣхали 9 Февраля. Сегодня смотрѣла комиссія, кто годенъ ѣхать черезъ воду на Амуръ. Смотрѣли меня, признали годнымъ. Генералъ говоритъ офицерамъ: какія убѣжденія находитъ этотъ молокососъ, что отказывается отъ службы? Какіе нибудь милліоны служатъ, а онъ одинъ отказывается, его выпороть хорошо розгами, тогда онъ оставитъ свои убѣжденія!

А полковникъ сказалъ на это: сначала нужно посмотрѣть на его кротость и поведеніе, а тогда видны будутъ и убѣжденія, онъ не можетъ измѣнить того, во что вѣритъ.

Потомъ спросилъ генералъ: гдѣ я учился и много ли читалъ.

Я сказалъ: учился въ сельской школѣ, а читалъ, сколько успѣлъ.

Спрашивали: какой я секты. Я сказалъ: я христіанинъ, ни къ какой сектѣ не принадлежу....

...Генералъ все гомонилъ и не хотѣлъ согласиться съ полковникомъ.

Доктора тоже говорили: поѣдемъ на Амуръ, тамъ хорошо служить. Я сказалъ: вездѣ хорошо.

И такъ долго меня крутили во время смотра и угрожали сѣчь на пароходѣ, на что́ я согласился. Ѣду въ своей одеждѣ, а казенную всетаки представляютъ до мѣста. 1 Февраля уже повезли по морю 1200 человѣкъ. Говорятъ и тысячи будутъ набирать. Солдаты часто распрашиваютъ меня про мой отказъ и много знакомятся со мной.

Ѣду безъ конвойныхъ и даже безъ присмотра. Ѣхалъ

мимо Полтавы; если бы я зналъ, что мимо ѣхать, то написалъ бы друзьямъ, чтобы можно было повидаться на станціи. Писемъ не получалъ ни отъ кого. Писалъ только П. С., но начальство мнѣ не дало его письма.

8 Февраля, когда привели изъ гауптвахты въ роту, водили въ баню. Спрашивалъ фельдфебель, поѣду ли на Амуръ. Я сказалъ: пусть везутъ, куда угодно.

Я думаю, что крутыхъ мѣръ наказаній не будетъ, а хотя и будетъ, то я нисколько не смущаюсь. По пріѣздѣ на мѣсто сейчасъ же напишу. Ѣхать придется водой полтора мѣсяца, если погода хорошая будетъ, а если плохая, то больше.

Прощайте, живите съ Богомъ, любите другъ друга. Помните слова Апостола Павла: „кто не печется о своихъ, а особенно о домашнихъ, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго.“ Крѣпко обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ. Хотя я и разлученъ отъ васъ тѣломъ, но духомъ всегда живу съ вами. Передайте отъ меня поклонъ всѣмъ моимъ друзьямъ и знакомымъ.

7.

Письмо о Петрѣ Васильевичѣ Ольховикѣ, одного изъ его друзей.

Полтава, 14 Февраля 1896 года.

Только что я возвратился изъ Харькова, куда ѣздилъ съ цѣлью повидаться съ Петей и разузнать о его дѣлѣ. Но повидаться мнѣ съ нимъ не удалось: за два дня до моего пріѣзда его отправили въ Одессу и затѣмъ на Амуръ вмѣстѣ съ 220 человѣками — новобранцами. Его отправили отсюда безъ всякаго опредѣленнаго рѣшенія — просто съ глазъ долой. А мнѣ такъ хотѣлось съ нимъ повидаться, такъ былъ увѣренъ, что это удастся. И тѣмъ досаднѣе, что во все время пребыванія своего на гауптвахтѣ Петя не только ни съ кѣмъ изъ друзей не общался, но и писемъ не получалъ, такъ какъ начальство перехватывало. Кое-кто пытался пройти къ нему до меня, но безуспѣшно.

Отъ солдатъ на гауптвахтѣ, отъ фельдфебеля и отъ начальства я узналъ о немъ много хорошаго. Самое хорошее было то, что онъ какъ то никого не раздражалъ ни солдатъ, ни начальства, и умѣлъ соединять въ себѣ стойкость съ мягкостью. Солдаты относятся къ нему весьма сочувственно, начальство же поражается его стойкостью.

За недѣлю до отправки его пробовали еще разъ заставить учиться, но безуспѣшно. Онъ рѣшительно заявилъ коман-

диру, что „перемѣнять свои слова не станетъ“ и прибавилъ: „Вы ведите свое дѣло, а я свое буду вести.“

По словамъ солдатъ онъ все время на гауптвахтѣ былъ бодръ и веселъ. Но находясь постоянно въ заперти, онъ измѣнился на видъ: изъ цвѣтущаго юноши сталъ желтоватымъ.

Передъ самой же отправкой, передавалъ фельдфебель, онъ былъ скучный.

Ему еще хотѣли вручить солдатскія принадлежности: шинель, сукно, полотно, сапоги и деньги, но отъ всего этого онъ отказался, не признавая себя солдатомъ, и остался въ своей свиткѣ. Сейчасъ мы съ его братомъ ѣдемъ въ Одессу, гдѣ Петя пробудетъ до 24 Февраля. Если Богъ поможетъ, повидаемся съ нимъ, чувствую, что это будетъ хорошо и для него, и для меня. Изъ Одессы онъ будетъ отправленъ во Владивостокъ и въ Хабаровскъ въ полное распоряженіе Амурскаго генералъ-губернатора и воинскаго начальства. Словомъ, онъ въ томъ-же неопредѣленномъ положеніи.

М. Д.

8.

Письмо П. В. Ольховика на родину.

7 Апрѣля 1896 года. Получено 26 Іюня 1896 г.
По пути во Владивостокъ.

Дорогой братъ!

Ваше посѣщеніе очень обрадовало меня, въ то время я подумалъ: „Хотя я гонимъ, но не оставленъ: есть люди, которые стали больше думать и жалѣть меня.“ На пароходѣ я нашелъ въ себѣ новыя силы духа; тутъ нашелся человѣкъ, единомыслящій, съ которымъ я дѣлюсь тѣмъ, что для меня дорого и свято. До Владивостока ѣхать еще четыре дня. Сейчасъ приближаемся къ городу Нагасаки. Изъ Нагасаковъ идетъ пароходъ въ Одессу: „Орелъ“. Онъ привезетъ это письмо въ Одессу. Качки большой не было, но всетаки многіе не ѣли три дня, много блевали. Но я все время не чувствовалъ ничего этого. Прочитавши о случившемся на пароходѣ, отошлите пожалуйста въ Рѣчки. Я думаю ихъ это много заинтересуетъ.

---

1 Апрѣля пришолъ ко мнѣ солдатъ изъ третьяго трюма во второй, родомъ онъ изъ Кіева, грамотный.

Сначала онъ спросилъ меня: „можно ли спросить тебя кое о чемъ?“ Я сказалъ: а собственно о чемъ? Онъ сказалъ:

да вотъ собственно о томъ, что ты отказываешься отъ службы и не признаешь себя православнымъ, — мы, говоритъ, говѣли, а ты не говѣлъ?

Онъ началъ спрашивать, а я отвѣчать. Разговоръ продолжался долго.

Въ нашъ разговоръ вмѣшался Кириллъ Середа. Онъ раскрылъ Евангеліе и началъ читать 5-ю главу Матвѣя. Прочитавши, началъ говорить: вотъ Христосъ запрещаетъ клятву, суды и войну, а у насъ все это дѣлается и считается за законное дѣло.

Тутъ стояли, столпившись кучей, солдаты и замѣтили, что у Середы нѣтъ на шеѣ креста. Его спросили: а гдѣ твой крестъ?

Онъ говоритъ: въ сундукѣ.

Они опять спрашивали: почему же ты его не носишь на шеѣ?

Онъ говоритъ: потому что я люблю Христа, а потому и не могу носить того орудія, на которомъ распятъ Христосъ.

Потомъ вошли два ефрейтора, стали говорить съ Середой. Они сказали ему: почему же ты говѣлъ недавно, а теперь сбросилъ крестъ?

Онъ отвѣчалъ такъ: потому что я тогда былъ темный, не видѣлъ свѣта, а теперь началъ читать Евангеліе и узналъ, что все это не нужно дѣлать по христіански.

Они опять спросили: значитъ и ты служить не будешь, какъ и Ольховикъ?

Онъ сказалъ, что не будетъ.

Они спросили: почему? Онъ сказалъ: потому что я христіанинъ, а христіане не долны вооружаться противъ людей.

Узналъ объ этомъ дежурный, вошолъ въ трюмъ и началъ кричать: гдѣ здѣсь тотъ, который говоритъ, что нѣтъ Бога и начальства на свѣтѣ?

Всѣ молчали. Онъ обратился ко мнѣ и говоритъ: это ты тутъ распространяешь?

Я сказалъ, что я ничего не говорилъ объ этомъ, что нѣтъ Бога и начальства на свѣтѣ.

Онъ спросилъ: кто тутъ еще другой такой?

Ему показали на Середу.

Онъ началъ кричать съ ругательствами: это ты, сукинъ сынъ, дуракъ, тутъ нашелся такой разумный, узналъ какъ много: нельзя носить крестовъ и не признавать начальства? Вотъ я доложу объ этомъ ротному, онъ тебя, дурака, въ кандалы отдастъ.

Середа отвѣчалъ на это такъ: меня это не стѣсняетъ, что вы доложите ротному, потому что я дѣлаю это не въ тайнѣ, а явно, а хотя вы и не доложите, то послѣ самъ онъ узнаетъ, — въ кандалы тоже я готовъ за ученіе Христа.

Дежурный вышелъ изъ трюма и пошелъ доложить фельдфебелю.

Фельдфебель позвалъ къ себѣ Середу и спросилъ: это ты, Середа, отвергаешь крестъ?

Онъ сказалъ: я.

Фельдфебель опять спросилъ: а какъ же ты его признаешь?

Онъ опять сказалъ: за орудіе пытки и казни.

Тогда тутъ же стоявшій ефрейторъ спросилъ Середу, показывая на фельдфебеля: а это кто? Онъ сказалъ: человѣкъ.

Тогда ефрейторъ говоритъ: а по воинской дисциплинѣ, какъ его назвать?

Середа сказалъ: я воинской дисциплины не признаю.

Они спросили: почему?

Онъ сказалъ: потому что она не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ Христа.

Потомъ фельдфебель началъ ругаться и сталъ говорить: значитъ ты не признаешь начальства?

Онъ сказалъ: „тотъ власть отъ Бога, кто слуга всѣмъ.“

Послѣ этого фельдфебель велѣлъ дежурному поставить Середу вверху на скардѣ (около трубы). Тотъ поставилъ. А солдаты указывали пальцемъ и смѣялись надъ нимъ. Стоялъ онъ часа два, а потомъ пустили и сейчасъ же опять потребовали.

Другой разъ распрашивалъ фельдфебель тихо, поилъ чаемъ.

На другой день фельдфебель приходилъ къ намъ въ трюмъ. Мы лежали вмѣстѣ. Онъ когда вошелъ, то сказалъ: вы оба вмѣстѣ? Мнѣ онъ ничего не говорилъ, а съ Середой долго разговаривалъ и совѣтовалъ Середѣ не читать Евангеліе, а какіе нибудь другія книги.

Послѣ этого пришелъ къ Середѣ одинъ матросъ и говоритъ: у тебя, говорятъ, есть какая то книга? Онъ говоритъ: есть библія. (Онъ купилъ библію еще въ Портсаидѣ и читалъ ее все время.) Матросъ попросилъ почитать. Середа вынесъ на палубу, присѣли и началъ матросъ читать.

Прочитавши немного онъ говоритъ: да книга хорошая. А потомъ разсмотрѣлъ и говоритъ: да она не пропущенная цензурой? Потомъ началъ совѣтовать Середѣ, чтобы спалилъ

или выбросилъ за бортъ библію, а то, говоритъ, ее у тебя отберутъ и ты можешь попасть подъ судъ.

Середа сказалъ, что палить и закидать не будетъ, а если отберутъ, то пусть,— пропалъ рубль.

Въ это время я сидѣлъ съ однимъ солдатомъ, училъ его читать. Матросъ съ библіей подошелъ ко мнѣ и началъ говорить: я пришелъ къ тебѣ распросить о томъ, что вотъ у насъ въ Россіи все такъ хорошо устроено и принято правильно вѣрить и понимать ученіе Христа. Такъ, вотъ, признаешь ли ты все это или нѣтъ?

Я на это сказалъ: объ устройствѣ я не знаю ничего, хорошо ли оно или дурно, а потому я не могу ни отвергать, ни поддерживать, а о правильномъ понятіи ученія Христа знаю то, что если вѣрить въ него, то нельзя вооружаться противъ людей и воздавать зломъ за зло.

Потомъ другой матросъ и фельдфебель начали говорить, что вотъ есть люди много ученые, а этого не выдумываютъ.

Я имъ отвѣтилъ, что Христосъ, когда ходилъ и училъ, то его ученіе понимали самые простые, неграмотные люди, а ученые — ненавидѣли и гнали.

Потомъ еще разсказалъ имъ изъ Павлова ученія, что „Богъ избралъ безумное міра, чтобы посрамить мудрыхъ и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное.“ И еще я много говорилъ имъ изъ Евангелія.

Они очень интересовались и говорили: вотъ видно, что работаетъ головой,— его убѣжденій нельзя измѣнить никакимъ наказаніемъ, а Середу если выпороть, то онъ все это броситъ.

Потомъ Середу позвали на другую палубу, говорили, чтобы не читалъ Евангелія, а какія нибудь священныя книги: а то, говорятъ, тебя Ольховикъ научаетъ, ты читаешь Евангеліе и тебѣ кажется, что оно такъ и должно быть.

Онъ отвѣчалъ, что другихъ нельзя слушать, а нужно самому хорошо подумать.

Потомъ фельдфебель отнесъ библію ротному и разсказалъ, что Середа выбросилъ крестъ и ничего не признаетъ.

Поздно вечеромъ вошли въ трюмъ ротный и фельдфебель, позвали Середу.

Ротный началъ кричать на него: ты что тутъ, болванъ, началъ говорить, что нѣтъ начальства?

Онъ отвѣтилъ: зачѣмъ нѣтъ начальства, начальство есть, но между истинными христіанами не должно быть.

Ротный сказалъ: поставь ноги вмѣстѣ. Онъ поставилъ.

— Я тебя за это въ кандалы отдамъ.

Онъ отвѣчалъ: что хотите, дѣлайте.

Ротный опять сказалъ: ты знаешь, что за это подъ судъ пойдешь?

Середа говоритъ: для меня все равно, куда хотите, отдавайте.

Ротный началъ бить Середу книжкой по щекамъ, растрепалъ книжку; потомъ обратился къ фельдфебелю съ словами: поставить его, дурака, пусть стоитъ всю ночь, я его, болвана, буду держать въ вонючемъ мѣстѣ, пока до мѣста доѣдемъ.

Фельдфебель стоитъ, приложивши руку къ головѣ, повторяя: слушаю, ваше благородіе.

При выходѣ ротный сказалъ: вмѣсто того, чтобы быть хорошимъ и честнымъ солдатомъ, дѣлается съ жиру какимъ нибудь арестантомъ.

Мнѣ же ничего не говорили.

Середу поставили вверху возлѣ трубы. Къ нему приходилъ туда священникъ три раза. Первый разъ, когда пришелъ, то сказалъ: это ты не хочешь признавать начальства?

Онъ на это началъ говорить такъ: а вотъ въ Евангеліи сказано, что цари земные господствуютъ надъ народами, и вельможи ихъ властвуютъ надъ ними; но между вами, моими учениками, да не будетъ такъ, а кто хочетъ быть большимъ, будь какъ меньшій, и начальствующій — какъ служащій.

И не успѣлъ еще Середа договорить, какъ вдругъ священникъ началъ на него грозиться: ты съ кѣмъ разговариваешь? Замолчи!

Онъ замолчалъ и не сталъ отвѣчать ни на какіе вопросы. Священникъ покричалъ, покричалъ и ушелъ.

Когда пришелъ въ другой разъ, то началъ тихо спрашивать: а кто тебя этому научилъ? гдѣ ты такой мудрости набрался?

Онъ отвѣчалъ: меня никто не училъ, я началъ читать Евангеліе и изъ него узналъ, что по христіански нельзя такъ дѣлать.

Священникъ опять началъ говорить, что если не вооружаться, то не будетъ у насъ ничего, другія государства прійдутъ и начнутъ насъ бить и грабить, не оставятъ намъ ничего.

Онъ на это отвѣчалъ: христіанамъ нужно переносить все, потому что Христосъ сказалъ: „любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ.“

Попъ ушелъ опять, походилъ и опять пришелъ и началъ говорить: покайся, тебѣ ничего не будетъ, а если не покаешься, то плохо будетъ.

Середа отвѣтилъ: за ученіе Христа я на все готовъ, да на это самъ Христосъ сказалъ: „вѣрующіе въ меня гонимы будутъ.“

Священникъ сказалъ: — это сказано о невѣрующихъ, что они гнать будутъ христіанъ, а мы сами христіане.

Середа на это сказалъ: христіанамъ не слѣдуетъ гнать другъ друга.

И еще много говорилъ священникъ и ушелъ.

Потомъ подошли матросы и фельдфебель, начали опять говорить: покайся, тебѣ ничего не будетъ, а если не покаешься, тебѣ въ три раза будетъ больше, чѣмъ Ольховику, потому что ты уже присягалъ и служилъ хоть немного.

Онъ отвѣчалъ: о наказаніи нечего и думать, если дѣлать дѣло Божіе. И много еще говорили.

Потомъ ротный велѣлъ отпустить: фельдфебель пришелъ. — иди, говоритъ, спать, взялъ за руку и повелъ внизъ. Когда сошли на палубу, то фельдфебель началъ обнимать Середу, — давай, говоритъ, поборимся. Середа говоритъ: зачѣмъ бороться? Онъ говоритъ: по братски. Середа опять говоритъ: развѣ по братски борятся? Съ тѣмъ и пошелъ спать.

На третій день опять фельдфебель требовалъ Середу, все старался уговорить, но онъ остался на своемъ.

Послѣ всего этого требовалъ попъ меня. Сначала спросилъ: какой губерніи? Я сказалъ.

Потомъ спросилъ: какой вѣры?

Я сказалъ: вѣры Христа. Онъ говоритъ: православной? Я говорю: нѣтъ.

Онъ говоритъ: зачѣмъ ты здѣсь распространяешь свое ученіе?

Я сказалъ: у меня нѣтъ своего ученія.

Онъ говоритъ: а что же ты научаешь другихъ, что нѣтъ учителей, а самъ учишь? А если сказано, чтобы не назывались учителями, такъ и самъ никого не учи, а то одного уже научилъ, — съ ума сходитъ.

Я говорю: за учителя не берусь.

Тогда онъ, уходя, сказалъ: ты за это въ три раза получишь.

Я сказалъ: для меня все равно.

9.

Владивостокъ 1896 года 8 Іюля.

Милые мои родители!

Я уже писалъ вамъ о моей судьбѣ, забросившей меня далеко отъ васъ, но постигшая меня участь не дозволяетъ мнѣ и здѣсь быть, а поэтому моя судьба переброситъ меня въ другое мѣсто. Такъ какъ 1 Іюля меня судили бригаднымъ судомъ, — осудили на три года въ дисциплинарный баталіонъ, съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ, — поэтому отсюда отправятъ меня въ Иркутскъ, такъ какъ дисциплинарный баталіонъ находится въ Иркутскѣ.

Разомъ со мной судили и Кирилла Середу, — осудили такъ же, какъ и меня. Находимся еще до сихъ поръ на гауптвахтѣ, — отправлять неизвѣстно когда будутъ. Отправка продлится долго — мѣсяца три. Придется ѣхать машиной, водой и много итти пѣшкомъ.

Больше мѣсяца насъ выводили на прогулку — каждый день на два часа. Во время прогулки разговаривать намъ запрещали.

Судили насъ не за отказъ отъ военной службы, а за умышленное неповиновеніе начальству.

На вопросъ предсѣдателя: признаешь ли ты себя виновнымъ въ неповиновеніи начальнику? я отвѣчалъ: смотря въ какомъ дѣлѣ.

Онъ сказалъ: да вотъ въ обстоятельствѣ требованія отъ тебя начальникомъ сдѣлать повороты изъ пѣшаго строя.

Я сказалъ на это: въ этомъ я не признаю себя виновнымъ, такъ какъ я этого не могъ дѣлать, потому что я этому не учился, да и учиться не сталъ бы, потому что по ученію Христа нельзя учиться военному дѣлу.

Середа сказалъ, что онъ передъ военнымъ закономъ виноватъ, но передъ закономъ Христа не виноватъ.

Надъ нами офицеръ производилъ два раза дознаніе: онъ спрашивалъ меня о слѣдующемъ: хорошо ли грамотный, гдѣ учился, съ какихъ поръ отпалъ отъ православія, а сталъ жить по Евангелію, приходилось ли говорить съ кѣмъ о вѣровоззрѣніи, что́ говорилъ, идучи на пріемъ и на пріемѣ, присягалъ ли, поддерживалъ ли меня кто въ моихъ убѣжденіяхъ: но больше всего спрашивалъ, что́ говорилъ Середѣ, когда ѣхали на пароходѣ. Все это я разсказалъ.

Еще онъ спрашивалъ меня, знакомъ ли я съ Толстымъ?

Я сказалъ, что не знакомъ.

Онъ спросилъ: а знаетъ ли онъ о тебѣ?

Я сказалъ: можетъ быть и знаетъ.

Тогда онъ спросилъ: откуда онъ можетъ узнать о тебѣ?

Я сказалъ, что черезъ друзей.

Тогда онъ сказалъ: вотъ онъ просилъ одного офицера, оторый имѣетъ переписку съ нимъ, чтобы онъ похлопоталъ о омъ, нельзя ли устроить такъ, чтобы назначить тебя куда нидь не въ строевую должность. И это, говоритъ, можно бы ыло сдѣлать, если бы ты велъ себя иначе.

Середу тоже спрашивалъ о томъ, что́ говорили на пароодѣ, давно ли знакомы, далеко ли живемъ другъ отъ друга, прашивалъ о моихъ поведеніяхъ.

Игнатъ (братъ Петра Ольховика), разскажи Трофиму о Кириллѣ (Середѣ); онъ написалъ бы, да писать не можетъ: идитъ одинъ въ карцерѣ. На пароходѣ онъ все время читалъ Евангеліе и говорилъ мнѣ: я читаю и не могу никакъ начиаться, потому что оно даетъ мнѣ много радости и спокойствія,— е даромъ сказалъ Христосъ: „прійдите ко Мнѣ всѣ труждаюіеся и обремененные и Я успокою васъ.“ Съ Божіей помощью я когда нибудь прійду къ Нему, — Онъ и меня успокоитъ.

Я, смотря на его рѣшительность и стойкость, почувствоалъ себя веселѣе и бодрѣе.

Получили ли вы письмо заказное, которое я писалъ въ Іаѣ мѣсяцѣ? Напишите, получили ли, что я писалъ изъ Харьова и Одессы? Отпишите о теперешнихъ условіяхъ вашей жизни: какъ вы себя чувствуете, что у васъ есть новаго и отрадаго. Впрочемъ сейчасъ не пишите, пока я напишу, когда строюсь. Читать намъ не дозволяютъ, — подъ арестомъ нилего не читали.

Съ тѣмъ прощайте, — остаюсь живъ и здоровъ, чего и амъ желаю. Настроеніе духа всегда бываетъ хорошее. Шлю амъ сердечный привѣтъ.

Любящій васъ вашъ Петръ.

Желаю вамъ любви и мира.

Передайте отъ меня поклонъ всѣмъ моимъ друзьямъ и накомымъ.

10.

ИЗЪ ДѢЛА

Бригаднаго суда 1-ой Восточно-Сибирской Артиллерійской Бригады о молодыхъ солдатахъ Петрѣ Ольховикѣ и Кириллѣ Середѣ.

Поводомъ къ начатію дѣла послужилъ рапортъ 1-й Мартирной Батареи, которымъ доносилось:

„Прибывшіе 15-го Апрѣля въ составѣ партіи на укомплектованіе ввѣренной мнѣ Батареи молодые солдаты: Петръ Ольховикъ и Кириллъ Середа, уроженцы Харьковской губерніи Сумскаго уѣзда, будучи въ числѣ прочихъ молодыхъ солдатъ поставлены въ строй, ослушались приказанія завѣдывающихъ обученіемъ новобранцевъ капитана П. и подпоручика Т. стать въ строй и исполнять команды. Когда тѣ-же требованія имъ были подтверждены мною, то Середа, хотя весьма неохотно и небрежно, но все же исполнялъ команды, Ольховикъ-же заявилъ, что ни въ какомъ случаѣ не станетъ въ строй, а что работы, какія прикажутъ, исполнять будетъ, основывая мотивы своего отказа на текстѣ Библіи и Евангелія. По распросамъ оказалось, что Ольховикъ еще не принималъ присяги, Середа присягу принялъ на пароходѣ. Находя присутствіе Ольховика и Середы среди прочихъ низшихъ чиновъ Батареи крайне вреднымъ, я вмѣстѣ съ симъ подвергъ ихъ предварительному аресту при Бригадной Гауптвахтѣ, впредь до особаго распоряженія Вашего Превосходительства.“ (Рап. отъ 17 Апрѣля 1896 г.) Рапортъ подписанъ командиромъ Батареи, Подполковникомъ Д.

На основаніи этого рапорта было произведено дознаніе. (Слѣдуетъ изложеніе дознанія, содержаніе котораго есть повтореніе вышесказаннаго.)

„При семъ названные новобранцы основывали свой отказъ на текстѣ Библіи и Св. Евангелія, въ коихъ, по ихъ словамъ, запрещается кому бы то ни было учить другихъ, кромѣ І. Христа, и употреблять оружіе противъ своихъ ближнихъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ я отнесся къ мѣстному Благочинному, прося его обратить ихъ, путемъ убѣжденія, на путь истинный, что и было Священникомъ М. исполнено, но безуспѣшно.“

Капитанъ 1-ой Мартирной Батареи П. показалъ: „На второй день по прибытіи новобранцевъ въ Батарею, мною было приказано выстроить ихъ въ одну шеренгу для узнанія степени ихъ подготовки. При командѣ: „на право“ два молодыхъ солдата, Ольховикъ и Середа, не повернулись, говоря, что не же-

лаютъ обучаться военному дѣлу. Ольховикъ прибавилъ, что онъ за это уже сидѣлъ 2½ мѣсяца въ карцерѣ. Подойдя къ Середѣ, я приказалъ ему повернуться. Онъ повернулся, но сказалъ: а все таки обучаться не буду. Ольховикъ же и личныхъ приказаній моихъ не исполнялъ. О всемъ этомъ мною было доложено Командиру Батареи."

Дознаніе производилъ Подпоручикъ П.

На основаніи произведеннаго выше дознанія, все дѣло о молодыхъ солдатахъ Ольховикѣ и Середѣ было направлено къ Военному Слѣдователю по Никольскому участку для производства слѣдствія по обвиненію этихъ нижнихъ чиновъ въ нарушеніи ими ст. 196 Улож. о наказ. Угол. и Испр. и ст. 105 XXII кн. св. В. Пост. 1869 г. изд. II. Военный Слѣдователь, не усматривая въ поступкахъ этихъ нижнихъ чиновъ нарушенія ст. 196 Ул. о нак. и Исп., дѣла къ своему производству не принялъ. Почему, для установленія виновности Ольховика въ нарушеніи ст. 196 Ул. о Нак., дѣло было передано подпоручику П. для производства дополнительнаго дознанія, при надписи такого содержанія: „Препровождая настоящую переписку Командиру 2-й Батареи, предлагаю Его Высокоблагородію поручить Подпоручику П. въ произведенномъ имъ дознаніи выяснить допросомъ молодого солдата Середы кѣмъ и когда именно этотъ послѣдній былъ убѣжденъ сдѣлаться „христіаниномъ", т. е. отпасть отъ православія, и выяснить путемъ допроса молодыхъ солдатъ, Ольховика и Середы, не принадлежатъ ли они къ сектѣ „Штунды". Дополненное дознаніе предлагаю представить мнѣ при надписи на семъ же." 14 Іюня 1896 г. Командиръ Бригады, Генералъ Маіоръ Л. Бригадный Адъютантъ, Подпоручикъ Г.

Дополнительное дознаніе:

Молодой солдатъ Кириллъ Середа показалъ: „Вѣру Христа я принялъ на пароходѣ по собственному убѣжденію и по Евангелію. Раньше я былъ темный человѣкъ. Въ Харьковѣ и въ Одессѣ же я подучился грамотѣ отъ солдатъ 9-ой роты 122 пѣхотн. Тамбовскаго полка, гдѣ намъ раздавали книжки. Раньше я былъ малограмотнымъ и потому читать Евангелія не могъ. Въ Портъ-Сандѣ я купилъ Библію, а въ Библіи было и Евангеліе. О прочитанномъ я разговаривалъ и съ Ольховикомъ въ числѣ прочихъ новобранцевъ. Сперва я читалъ Ветхій Завѣтъ, а потомъ и Новый. Когда Ольховикъ отказывался отъ разныхъ повинностей, то его отвѣты запали мнѣ въ голову. Когда-же я читалъ Евангеліе, то нашелъ, что онъ

правъ. Тогда я усумнился въ Евангеліи, п. ч. оно было безъ цензуры *), а купилъ другое у молодого солдата Яковенко, подъ цензурой св. Синода, и разницы никакой въ Евангеліи не оказалось. Тогда я сталъ отказываться отъ всего, отъ чего отказывался и Ольховикъ, потому что онъ все дѣлалъ по Евангелію. Когда я сталъ дѣлать то-же, что дѣлалъ Ольховикъ, то насъ хотѣли разлучить, а когда замѣтили, что я къ нему не подхожу, то оставили на своихъ мѣстахъ. Когда я читалъ Евангеліе, то молодые солдаты говорили, чтобы я не читалъ, а то сойду съ ума, но я имѣлъ непреодолимое желаніе читать Евангеліе. Разъ Ротный Командиръ сталъ меня срамить и говорить, что изъ меня могъ выйти хорошій солдатъ, а я отступилъ отъ православія. На вопросы, какіе онъ мнѣ задавалъ, я ему отвѣчалъ. Тогда онъ сталъ меня ругать и даже матерными словами. Тогда я ему сказалъ: „Вотъ у васъ, православныхъ, первѣйшему человѣку развѣ подобаетъ ругаться діавольскими словами?“ Тогда Ротный Командиръ выхватилъ переплетенную программу нашего обученія и билъ меня по щекамъ. Я молчалъ. Тогда Ротный Командиръ поставилъ меня стоять на спардекѣ **), гдѣ я и простоялъ съ вечера и до 12 ч. ночи. Туда три раза приходилъ священникъ разговаривать со мной и задавалъ разные вопросы. Я сказалъ священнику, что если я какой отвѣтъ Вамъ не ясно далъ, то я покажу въ Евангеліи. Тогда Священникъ сказалъ, что онъ позоветъ меня читать Евангеліе и будетъ его мнѣ объяснять. Но меня къ священнику не позвали, и я съ нимъ Евангелія не читалъ. Библію у меня отнялъ фельдфебель и за мою вѣру поставилъ меня на 3 часа. Въ Мортирной Батареи у насъ отобрали всѣ книги для подписи Командиромъ Батареи и до сей поры мнѣ Евангелія не вернули. Ольховикъ говорилъ мнѣ, что ему въ Одессѣ говорилъ священникъ: „Пусть поможетъ тебѣ Богъ въ томъ дѣлѣ, которое ты задумалъ выполнить.“ Когда я жилъ въ деревнѣ Максимовщинѣ, всего въ 3 верстахъ отъ с. Рѣчекъ, и мнѣ было лѣтъ 17—18, я слыхалъ, что вся семья Ольховика не ходитъ въ церковь, но отличается хорошими дѣлами. На пароходѣ я просилъ Ольховика объяснить мнѣ нѣкоторыя мѣста Евангелія: о клятвѣ, о прелюбодѣяніи, о судахъ, о царяхъ, о любви къ врагамъ и многое другое, которое я не припомню. Я ему говорилъ, что радуюсь, что узналъ правую по Евангелію вѣру и никогда не измѣню ей.“

---

*) Лондонскаго библейскаго общества.

**) Мѣсто наказанія на военныхъ корабляхъ.

Молодой солдатъ Петръ Ольховикъ показалъ: „Съ Середой на пароходѣ въ числѣ прочихъ я разговаривалъ о разныхъ вещахъ, а объ вѣрѣ разговаривалъ уже послѣ Портъ-Саида, когда всѣ говѣли, а я отказался. Тогда Середа спросилъ меня, почему я не хочу говѣть; я ему отвѣтилъ, что я не православный, а вѣры Христа, а что 4 года тому назадъ я былъ православнымъ. Онъ просилъ меня разсказать ему, какая это вѣра, когда и какъ я перешелъ въ нее. Я разсказалъ ему разновременно все съ самаго начала, а именно вотъ что: я учился въ сельской школѣ въ с. Рѣчки три года, отчего я хорошо грамотный. Въ школѣ священникъ говорилъ, что самая лучшая вѣра—православная. Я этому радовался и въ этомъ не сомнѣвался. Но лѣтъ 17-ти я какъ то прочиталъ одинъ разсказъ о евреѣ и православномъ. Они жили рядомъ и дѣти ихъ были такъ дружны, что не только играли, но и спали вмѣстѣ. Но вотъ стали они учиться въ школахъ и узнали, что вѣра каждаго изъ нихъ—самая лучшая. Изъ-за этого они стали браниться, драться и дружба ихъ перешла во вражду. Тогда я сталъ раздумывать о вѣрѣ и углубился въ чтеніе Евангелія и замѣтилъ, что православные отступаютъ отъ ученія Христа. Въ это время мой братъ познакомился съ княземъ Хилковымъ, который жилъ вполнѣ по Евангелію и часто спорилъ со священниками, за что, должно быть, и былъ сосланъ на Кавказъ. Братъ мой тоже углубился въ это время въ Евангеліе. Лѣтъ 18-ти я отказался отъ православія и сталъ стараться жить по Евангелію. Въ это время я познакомился съ М. Д., который меня поддерживалъ въ моихъ вѣровоззрѣніяхъ. Д. этотъ учился въ гимназіи, но не захотѣлъ держать экзаменовъ и вернулся къ крестьянству. Онъ сосланъ въ Полтаву....

Когда меня взяли въ солдаты, я отказывался отъ военнаго обученія, не сталъ принимать присягу, т. к. это противно моей вѣрѣ; за что меня изъ м. Бѣлополья отправили къ воинскому начальнику въ г. Сумы, гдѣ я сидѣлъ въ карцерѣ 1 мѣсяцъ. Въ Харьковѣ насъ стали обучать. Я учиться не сталъ и за это сидѣлъ подъ арестомъ 2½ мѣсяца. Затѣмъ насъ отправили въ Одессу, куда пріѣхалъ мой братъ и поддерживалъ меня въ моихъ убѣжденіяхъ. На пароходѣ о вѣрѣ я старался не говорить ни съ кѣмъ. Когда Середа читалъ Евангеліе и, чего не понималъ, спрашивалъ меня, я ему объяснялъ. Я никогда не хотѣлъ склонять его къ моей вѣрѣ, но онъ мнѣ самъ говорилъ, что радуется, что узналъ правую по Евангелію вѣру и никогда не измѣнитъ ей."

Дознаніе производилъ Подпоручикъ П.

На основаніи вышеприведеннаго дознанія. Ольховикъ и Середа приказомъ по 1 Восточной Сибирской Артиллерійской Бригадѣ были преданы Бригадному Суду за нарушеніе 105 ст. XXII кн. Св. В. П. 1869 г. На судѣ Ольховикъ и Середа виновными себя не признали. Ольховикъ показалъ: „Я не исполнилъ приказаній офицера, и. ч. не умѣлъ дѣлать повороты, но еслибы я ихъ и умѣлъ дѣлать, то не сталъ бы исполнять, т. к. вѣра моя не позволяетъ мнѣ обучаться военному дѣлу, и я сознательно не желаю оному учиться. Петръ Ольховикъ."

Тоже самое показалъ и Середа.

Въ 12 час. дня 1-го Іюля 1896 года предсѣдателемъ суда былъ прочитанъ краткій приговоръ, по которому Ольховикъ и Середа признаны виновными: I) въ неоказаніи должнаго уваженія начальнику при исполненіи послѣднимъ обязанностей службы и II) въ умышленномъ неисполненіи приказаній начальника, т. е. въ неповиновеніи: ст. 105-й часть II ст. 96 XXII кн. Св. В. П. *) 1869 года изд. 2-е, а потому судъ постановилъ: по лишеніи нѣкоторыхъ преимуществъ по службѣ Ольховика и Середу отдать въ дисциплинарный баталіонъ на 3 года съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ, съ послѣдствіями, указанными въ ст. 52 XXII кн. того-же Свода Военныхъ Постановленій.

11.

ПИСЬМО ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

къ

НАЧАЛЬНИКУ ИРКУТСКАГО ДИСЦИПЛИНАРНАГО БАТАЛЬОНА.

22 Октября 1896 года.

Милостивый Государь!

Не зная Вашего имени и отчества, не зная даже Вашей фамиліи, не могу обратиться къ Вамъ иначе, какъ этой холодной и нѣсколько непріятной, отдаляющей людей другъ отъ друга, формулой: милостивый Государь: а между тѣмъ я обращаюсь къ Вамъ по дѣлу самому задушевному, и желалъ бы обойти всѣ тѣ внѣшнія формы, которыя раздѣляютъ людей, и

*) Св. В. П. — Сводъ Военныхъ Постановленій.

напротивъ вызвать въ Васъ къ себѣ, — если не братское отношеніе, которое свойственно людямъ имѣть другъ къ другу,— то по крайней мѣрѣ уничтожить все предвзятое, которое можетъ быть вызвано въ Васъ моимъ письмомъ и именемъ. Я желалъ бы, чтобы Вы отнеслись ко мнѣ и къ моей просьбѣ, какъ къ человѣку, о которомъ Вы ничего не знаете ни хорошаго, ни дурного, и обращеніе котораго къ Вамъ Вы готовы выслушать съ доброжелательнымъ вниманіемъ.

Дѣло, о которомъ я хочу просить Васъ—въ слѣдующемъ:

Въ Вашъ дисциплинарный батальонъ поступили, или должны въ скоромъ времени поступить, два человѣка, присужденные бригаднымъ Владивостокскимъ судомъ — къ тремъ годамъ заключенія. Одинъ изъ нихъ—крестьянинъ Петръ Ольховикъ, отказавшійся исполнять военную службу, потому что онъ считаетъ ее противною закону Бога, другой — Кириллъ Середа, рядовой, сблизившійся съ Ольховикомъ на пароходѣ и, узнавъ отъ него причину его ссылки, пришедшій къ тѣмъ же убѣжденіямъ, какъ и Ольховикъ, и отказавшійся отъ продолженія службы.

Я очень хорошо понимаю, что правительство, не выработавъ еще соотвѣтственнаго особенностямъ такихъ случаевъ закона, не можетъ поступать иначе, какъ такъ, какъ оно поступило, хотя я и знаю, что въ послѣднее время высшее правительство, вниманіе котораго было обращено на жестокость и несправедливость наказанія такихъ людей наравнѣ съ порочными военными чинами, озабочено тѣмъ, чтобы найти болѣе справедливыя и легкія средства противодѣйствія такимъ отказамъ. Я знаю также очень хорошо, что Вы, занимая Вашъ постъ и не раздѣляя убѣжденій Ольховика и Середы, не можете поступать иначе, какъ строго исполняя то, что́ Вамъ предписываетъ законъ; но всетаки я прошу Васъ, какъ христіанина и добраго человѣка, пожалѣть этихъ людей, виновныхъ только въ томъ, что они исполняютъ то, что́ они считаютъ закономъ Божьимъ, предпочтительно передъ закономъ человѣческимъ.

Не скрою отъ Васъ того, что я лично вѣрю не только въ то, что люди эти дѣлаютъ то, что́ должно, но — что и очень скоро всѣ люди поймутъ, что эти люди дѣлали великое и святое дѣло.

Но очень можетъ быть, что такое мнѣніе Вамъ кажется безуміемъ, и Вы твердо увѣрены въ противномъ. Я не позволю себѣ убѣждать Васъ, зная, что люди серьезные и Вашего

возраста приходятъ къ извѣстнымъ убѣжденіямъ не съ чужихъ словъ, а своей внутренней работой мысли. Одно, о чемъ я умоляю Васъ, какъ христіанина, добраго человѣка и брата — и моего, и Ольховика, и Середы, — какъ человѣка, ходящаго подъ однимъ съ нами Богомъ и имѣющаго придти послѣ смерти туда же, куда пойдемъ и всѣ мы, — умоляю Васъ не скрывать отъ себя того, чѣмъ отличаются эти люди, (Ольховикъ и Середа), отъ другихъ преступниковъ, не требовать отъ нихъ исполненія того, отъ чего они отказались разъ навсегда; не искушать ихъ, вводя ихъ этимъ въ новыя и новыя преступленія и накладывая на нихъ новыя и новыя наказанія, какъ поступали съ несчастнымъ, возбудившимъ всеобщее сочувствіе и въ высшихъ сферахъ, — Дрожжинымъ, до смерти замученнымъ въ Воронежскомъ дисциплинарномъ батальонѣ. Не отступая отъ закона и отъ добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей, Вы можете сдѣлать заключеніе этихъ людей адомъ и погубить ихъ, можете и смягчить въ значительной степени ихъ страданія. Объ этомъ я умоляю Васъ, надѣясь, что Вы найдете эту просьбу излишней, и что Ваше внутреннее чувство, прежде меня, уже склонитъ Васъ къ тому же.

Судя по тому мѣсту, которое Вы занимаете, я полагаю, что Ваши взгляды на жизнь и на обязанности человѣка совершенно противоположны моимъ. Не могу скрыть отъ Васъ, что я считаю Вашу обязанность несовмѣстимой съ христіанствомъ и желаю Вамъ, какъ я желаю всякому человѣку, освобожденія отъ участія въ такихъ дѣлахъ. Но, зная всѣ свои грѣхи и прежніе, и теперешніе, и всѣ свои слабости, и дѣла, сдѣланныя мною, я не только не позволяю себѣ осуждать Васъ за Вашу должность, но питаю къ Вамъ, какъ ко всякому брату по Христу, совершенное уваженіе и любовь.

Очень буду благодаренъ Вамъ, если отвѣтите мнѣ.

Левъ Толстой.

Москва, Хамовническій пер. № 21.

12.

1896 г. 1 Сентября. Сибирь. Пароходъ на рѣкѣ Амурѣ.

Дорогіе мои родители!

Я уже писалъ вамъ 8 Іюля о постигшей меня участи, отъ которой, я думаю, — вы сильно опечалились. Но печалиться не о чемъ: стоитъ только припомнить слова Христа:

„вы печальны будете, но печаль ваша въ радость вамъ будетъ."

Послѣ того, какъ я разстался съ вами и своими друзьями, и когда меня перевезли на другой бокъ земнаго шара, я думалъ, что я здѣсь буду жить одинокимъ, но мнѣ Богъ даровалъ друга, съ которымъ я прожилъ уже полъ года - мнѣ показалось, какъ одинъ мѣсяцъ. Я очень радъ такому великому дару Божьему.

Когда мы сидѣли въ Никольскомъ на гауптвахтѣ, намъ разсказывалъ одинъ новобранецъ, который сидѣлъ за побѣгъ, что когда они обучались въ Казани, то одинъ новобранецъ изъ Пермской губ. не захотѣлъ заниматься, (обучаться военному дѣлу), за что́ сидѣлъ на гауптвахтѣ до отправки на Амуръ, а при отправкѣ не взялъ казенной одежды. Другой новобранецъ приходилъ мыть полъ и тотъ говорилъ, что съ ними ѣхалъ новобранецъ, который не занимался въ Казани, а въ Одессѣ и Владивостокѣ не становился въ строй и съ офицерами разговаривалъ, какъ съ товарищами. Офицера приказывали не пускать къ нему новобранцевъ. Больше отъ этихъ новобранцевъ мы ничего не могли узнать о немъ, такъ какъ ихъ привезли въ Никольское, а онъ оставался еще во Владивостокѣ. Когда мы сидѣли въ Благовѣщенской тюрьмѣ, то одинъ солдатъ говорилъ намъ, что во 2-мъ батальонѣ одинъ новобранецъ не хотѣлъ заниматься съ ружьемъ, и его командиръ взялъ въ писаря, и мы думаемъ, что это онъ.

Въ эту тюрьму привели при насъ старика изъ Россіи, бѣжавшаго изъ каторги. Онъ разсказывалъ, что въ ихъ партіи вели солдата, который служилъ въ Оренбургской губ. за то, что не захотѣлъ присягать Николаю Александровичу, и его за это перевели дослужить на Амуръ...

Теперь мы идемъ въ Иркутскъ, въ дисциплинарный батальонъ. Уже пошелъ другой мѣсяцъ, какъ поѣхали изъ Никольскаго. До Иркутска придется еще итти мѣсяца три. Теперь ѣдемъ на пароходѣ по рѣкѣ Амуру въ село Сретѣнскъ. Изъ Сретѣнска пойдемъ пѣшкомъ. Отъ Сретѣнска до Иркутска больше 2000 верстъ. Можетъ быть на пароходѣ прійдется еще переѣхать Забайкалъ, если успѣемъ дойти, пока не замерзнетъ...

Намъ теперь выдаютъ кормовыхъ по 15 коп. въ сутки. Раньше мы думали, что дорогой придется поголодать, и не за что будетъ послать письма, потому что хлѣбъ здѣсь отъ 5 до 8 коп. фунтъ, а денегъ съ собой не дали. Но все это вышло не такъ. Насъ конвоиры стали пускать нагружать дрова на

пароходѣ, когда онъ пристаетъ къ станціи: за сажень платятъ по 50 коп. и мы за два часа выносимъ по 3 и по 4 саж.: хлѣба тоже пришлось купить дешево въ Благовѣщенской тюрьмѣ у арестантовъ по 2 коп. фунтъ, изъ котораго насушили сумку сухарей.

Дорогой купили два Евангелія, а тѣ, что были въ батареѣ, начальство не хотѣло отдать, чтобы не читали дорогой...

Если будете писать друзьямъ, то скажите, пусть пишутъ мнѣ въ Иркутскъ, я очень радъ буду получить отъ нихъ письмо. Отъ васъ я не получалъ, или вы и не писали, а можетъ не дошли. Отъ друзей тоже не получалъ. Я радъ, что гонятъ ближе къ родинѣ, — скорѣй письма можно получать. Напишите мнѣ о моихъ друзьяхъ: кого куда привела судьба? Пишите такъ, чтобы начальство допустило. Пишите обо всемъ подробно: какъ хлѣба? докончили ли вы избу?

Шлю вамъ свой задушевный привѣтъ. Остаюсь съ истинной любовью вашъ Петръ.

Передайте мой привѣтъ всѣмъ моимъ друзьямъ и знакомымъ. Одежда еще вся цѣлая...

13.

1896 г. Ноября 20 дня.

Возлюбленные мои родители!

Я поставляю одной изъ первыхъ обязанностей моей жизни — пользоваться всегда случаемъ для выраженія вамъ моего почтенія. Вамъ уже извѣстно, что я иду въ Иркутскъ въ дисциплинарный баталіонъ вмѣстѣ съ Кирилломъ Середой за наше дѣло. Теперь мы идемъ пѣшкомъ черезъ Забайкальскую область этапнымъ порядкомъ въ партіи, которая состоитъ изъ числа 45 арестантовъ. Въ день проходимъ по станку — отъ этапа до этапа. Станки бываютъ отъ 25 и до 40 верстъ. Черезъ два дня бываетъ дневка, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ живемъ по недѣлѣ — ожидаемъ партій, которыхъ гонятъ въ каторгу и на поселеніе. Однихъ изъ нихъ оставляютъ по Зайбайкальской области, другихъ по Амуру, третьихъ гонятъ на островъ Сахалинъ. Всѣ они въ кандалахъ, — у каторжанъ головы съ праваго бока бриты, а которые идутъ на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.— у тѣхъ головы бриты съ лѣваго бока Въ этихъ партіяхъ идутъ жены и дѣти, есть старики до 75 лѣтъ, закованные въ кандалы, которые едва передвигаясь, посто-

янно кряхтятъ отъ своей дряхлости. Въ Нерчинскѣ въ пересыльной тюрьмѣ, мы видѣли, приходилъ мальчикъ лѣтъ 14-ти прощаться съ отцомъ, котораго гнали на островъ Сахалинъ. Мальчикъ, крестясь, поклонился своему отцу. Отецъ, плача и смѣясь, проговорилъ: ну прощай, сынокъ, больше не увидимся... Поцѣловались, и мальчикъ, плача, ушелъ.

Теперь я успѣлъ насмотрѣться на жизнь арестантовъ и на ихъ жалкое положеніе: бѣдные они люди... Зачѣмъ они теряютъ человѣческое достоинство и затемняютъ человѣческій разумъ? Продаютъ все, что есть: покупаютъ водки, напиваются, теряютъ совѣсть, начинаютъ играть въ карты и проигрываютъ что только есть, не думая о томъ, что придется послѣ голодомъ жить, такъ какъ имъ выдаютъ кормовыхъ по 10 копѣекъ въ сутки, а хлѣбъ здѣсь по 4 и 5 копѣекъ фунтъ. Во время картежной игры заводятъ ссоры и доходятъ до драки и бою. Услыша это, солдаты изъ караульнаго помѣщенія прибѣгаютъ съ ружьями и начинаютъ ихъ бить прикладами и надѣваютъ наручники. Люди думаютъ, что ихъ можно исправить наказаніемъ, т. е. тюрьмами и каторгой. Нѣтъ. Не исправить ихъ этимъ. Въ такомъ положеніи они хуже портятся; всякій недавно попавшійся арестантъ сначала ведетъ себя скромно, смирно и боязливо: каждому уступаетъ, занимаетъ послѣднее мѣсто гдѣ-нибудь въ уголкѣ или подъ нарами, а когда поживетъ да познакомится съ жизнью развратныхъ арестантовъ, становится и самъ такимъ же. Тутъ онъ только и слышитъ, какъ другіе разсказываютъ, какъ они воровали, грабили, убивали, насиловали; видитъ, какъ другіе играютъ въ карты, дерутся; больше этого онъ ничего не видитъ и не слышитъ, чѣмъ-бы могъ заняться и найти себѣ отраду. Сначала скучаетъ, потомъ все это онъ себѣ усваиваетъ, думаетъ, что такъ и жить надо, начинаетъ играть въ карты, проигрываетъ дня за три впередъ кормовыя деньги, послѣ чего ему приходится жить голодно. Онъ обращается къ другимъ арестантамъ, чтобы занять что-нибудь, ему не довѣряютъ. Тутъ онъ поневолѣ принаравливается, какъ-бы кого обмануть или что-нибудь украсть, и, если все это не удается ему, онъ становится недоволенъ своей участью, разъяривается какъ звѣрь, начинаетъ ругать и материть: въ государя, въ правительство, въ законъ, въ вѣру, и въ жизнь, и во все, что есть на свѣтѣ. Часто приходится слышать отъ арестантовъ: ну, дай Богъ только бы выйти на волю, — по своему заживу, съумѣю теперь украсть и концы спрятать...

Въ нашей партіи недавно былъ побѣгъ. Онъ представился менѣ ужасно жалкимъ случаемъ. Это было слѣдующимъ образомъ: 27 октября вышли мы изъ Шакшинскаго этапа; тамъ насъ принялъ Упырскій конвой. Этотъ конвой партія признала хорошимъ потому, что старшій не строго держался воинской дисциплины: пришли въ 1-ю деревушку, онъ пустилъ арестантовъ въ лавочку, а нѣкоторые ходили и въ кабакъ выпить. Прошли 15 верстъ и на дорогѣ догнали обозъ съ товаромъ; конвойные закричали ямщикамъ, чтобы остановили лошадей, пока пройдетъ партія; ямщики остановили на дорогѣ лошадей, и партія прошла обозъ. Конвойные, которые шли сзади партіи, начали ругать и бить ямщиковъ за то, что не своротили съ дороги, пока пройдетъ партія; допустили и арестантовъ, которые вышли въ деревнѣ; арестанты начали бить кулаками ямщиковъ; они бросили переднихъ лошадей и ушли назадъ. Партія, собравшись, пошла впередъ, а обозъ остался. Вечеромъ стали приближаться къ деревнѣ Канда, возлѣ которой стоитъ полуэтапъ, куда партія должна зайти ночевать. Не доходя до деревни, старшій съ арестантскимъ старостой поѣхали впередъ. Когда партія зашла въ полуэтапъ, тамъ старшаго и старосты не было; они были въ деревнѣ, откуда пришли пьяны и староста принесъ водки; онъ давалъ конвойнымъ и нѣкоторымъ арестантамъ. Послѣ этого конвойные съ арестантами начали играть въ карты въ арестантскомъ помѣщеніи. Во время картежной игры одинъ конвоиръ началъ говорить на старшаго, что онъ допустилъ, чего не должно по дисциплинѣ. Старшій сказалъ: молчи, свинья, какъ ты смѣешь мнѣ указывать? Я самъ отвѣчаю за васъ и за арестантовъ. Тотъ оскорбился и выругалъ его...

Старшій сконфузился, соскочилъ съ наръ и хотѣлъ побить его. Староста вцѣпился въ старшаго, началъ просить: брось, товарищъ! Онъ бить не билъ, а съ помѣщенія выгналъ, хотѣлъ написать рапортъ, но одумался, что нельзя, потому что самъ виноватъ.

Послѣ этого конвойные вышли изъ арестантскаго помѣщенія, заперли на замокъ дверь, пошли въ свое помѣщеніе, покричали спьяна другъ на друга, потомъ все утихло; всѣ заснули, какъ арестанты, такъ и конвоиры. Часового небыло всю ночь. На другой день утромъ рано конвоиры отперли дверь: парашники вынесли парашу,*) принесли дровъ и

*) Кадка для отправленія нуждъ.

воды въ помѣщеніе и легли спать. Дверь была не заперта, часового не было. Одинъ арестантъ Алексѣй Воловъ, препровождаемый въ кандалахъ въ Иркутскъ на слѣдствіе за грабежъ, всталъ, видитъ, что дверь не заперта, часового нѣтъ. Онъ сбросилъ кандалы, въ которыхъ раньше сломалъ заклепки, собрался и ушелъ. Когда разсвѣло, арестанты стали варить чай на завтракъ и замѣтили что Волова нѣтъ. Сказали старостѣ. Староста позвалъ старшаго изъ караульнаго помѣщенія и сказалъ, что одного арестанта нѣтъ. Старшій спросилъ, гдѣ онъ спалъ. Ему показали. Онъ освидѣтельствовалъ мѣсто. Оказалось, что Воловъ оставилъ халатъ, шубу и кандалы, въ которыхъ заклепки были сломаны. Онъ взялъ кандалы, понесъ ихъ къ конвоирамъ и сказалъ, что одинъ арестантъ ушелъ. Въ арестантскую камеру внесли парашу и заперли дверь. Остался только одинъ часовой караулить арестантовъ, а всѣ остальные конвоиры бросились во всѣ стороны. Нашли по снѣгу слѣдъ и узнали, что онъ ушелъ по дорогѣ впередъ. Три солдата сѣли на лошадей и помчались слѣдомъ по дорогѣ. На 9-й верстѣ бѣглецъ своротилъ въ лѣсъ и шелъ возлѣ дороги лѣсомъ. Солдаты проѣхали по дорогѣ и не замѣтили слѣда. Навстрѣчу ѣхалъ ямщикъ и увидѣлъ бѣглеца въ лѣсу. Потомъ увидѣлъ, что ѣдетъ по дорогѣ въ погоню за бѣглецомъ солдатъ. Пустился къ нему и, когда съѣхались побѣжали за бѣглецомъ. Догнали и остановили бѣглеца. Потомъ солдатъ съ угрозой велѣлъ бѣглецу бѣжать назадъ. Къ нимъ подъѣхали еще два солдата и хотѣли застрѣлить бѣглеца. Но ямщикъ началъ ихъ просить, чтобы не стрѣляли. Они стали бить Волова прикладами, свалили съ ногъ, связали назадъ руки и начали топтать ногами и бить прикладами по чемъ попало. Потомъ привязали къ телѣгѣ и стали гнать лошадей; онъ бѣжалъ пока могъ, а потомъ упалъ и съ версту волокся за телѣгой, пока пристала лошадь. Потомъ привели въ деревню, призязали къ столбу и начали бить палками, прикладами и штыками. Тамъ проѣзжали ямщики, которыхъ били за то, что не своротили съ дороги, когда догнала ихъ партія. Увидавши ямщиковъ, бить перестали. Потомъ пошли пить чай, а бѣглеца затолкнули въ сѣни. Напившись чаю, свалили бѣглеца на телѣгу и повезли на полуэтапъ. Когда подъѣхали къ дверямъ и остановили лошадей, въ это время я смотрѣлъ въ окно: телѣга была вся въ крови. Бѣглецъ слѣзъ съ телѣги. На него набросились всѣ конвоиры и начали бить кто палкой, кто прикладомъ. Отперли дверь, втолкнули въ арестантское

помѣщеніе бѣглеца и сами ворвались, разъяренные какъ звѣри. Одинъ солдатъ выстрѣлилъ въ помѣщеніе съ крикомъ: „не шевелись.“ Чуть не попалъ въ одного арестанта, который сидѣлъ на нарахъ возлѣ стѣны. Пуля проскочила сквозь стѣну на четверть отъ сидѣвшаго арестанта, а другому арестанту обожгло глазъ. Всѣ арестанты, испугавшись выстрѣла, стояли смирно, а нѣкоторые отъ страху выстрѣла, спрятались подъ нары. Одинъ солдатъ вскочилъ въ помѣщеніе съ кандалами, которые бѣглецъ оставилъ и началъ бить кандалами бѣглеца. Пробилъ ему голову. Потомъ началъ бить кандаламы старосту,*) котораго два солдата тащили изъ помѣщенія: били такимъ же образомъ, какъ и бѣглеца: кто палкой, кто прикладомъ, а кто кандалами. Связали назадъ руки и втолкнули въ помѣщеніе. Били и еще трехъ арестантовъ. У одного еврея отобрали товаръ, который онъ бралъ для продажи арестантамъ: чай, сахаръ, свѣчи, табакъ и бумага. Вечеромъ водили бѣглеца въ кузню заковывать. Кузнецъ по приказу солдата: „куй по-туже“, заковалъ такъ туго, что на другой день идучи, онъ порѣзалъ ноги. Онъ чуть могъ итти отъ боли и рѣзни кандаловъ, шелъ напрягая всѣ свои силы: боялся отстать отъ партіи, чтобы солдаты опять не начали бить. Всѣ солдаты, дѣлая такое ужасное дѣло, не замѣчаютъ за собой ничего, а дѣлаютъ какъ обычное дѣло: веселы, разговариваютъ, смѣются и гордятся тѣмъ, что имъ въ руки дано оружіе и власть владѣть этимъ оружіемъ. Какъ жалко смотрѣть на такое положеніе людей, разумныхъ существъ Божіихъ.

Часто является мысль: зачѣмъ люди мучатъ другъ друга? На эту мысль отвѣтъ такой: потому что нѣтъ между людьми любви Христовой: если бы имѣли между собой любовь Христову, то не было бы никогда насилій между людьми, разумными тварями Бога.

Съ нами въ партіи изъ Нерчинска въ Читу шелъ отбывшій срокъ въ каторгѣ за политическое преступленіе одинъ Нижегородскій дворянинъ, довольно ученый, окончившій курсъ въ университетѣ. Видно, что человѣкъ сочувствующій и стремлящійся къ достиженію высшаго блага. Онъ прибылъ въ Нерчинскую пересыльную тюрьму послѣ насъ. Узнавъ о насъ отъ другихъ арестантовъ, которые шли съ нами, сталъ насъ распрашивать о нашемъ отказѣ отъ военной службы. Мы разсказали.

---

*) Староста выбирается изъ арестантовъ.

Послѣ нашего разсказа, онъ подружился съ нами, всякій разъ приглашалъ насъ къ себѣ пить чай и старался всегда поговорить съ нами. Много разсказывалъ и разспрашивалъ.... Онъ остался на время въ Читѣ. Къ нему товарищъ приходилъ въ пересыльную тюрьму. Ихъ смотритель сводилъ за воротами. Онъ разсказывалъ товарищу про насъ. Слышалъ это и смотритель, заинтересовался и разспрашивалъ его про насъ. Товарищъ его хотѣлъ тоже повидаться съ нами, но не пришлось.

Ему товарищъ прислалъ гостинца: булокъ, рыбы, колбасы, голандскаго сыру, варенья и конфектъ. Всѣмъ этимъ онъ насъ угощалъ весь вечеръ и на другой день утромъ передъ нашимъ выходомъ. На дорогу онъ далъ намъ все, что осталось отъ гостинца, и 4 рубля денегъ.

Теперь я познакомился съ Сибирью и Амуромъ. Хочу и вамъ описать. Вся мѣстность здѣсь горная и лѣсистая. Грунтъ земли почти скрозь каменистый. Есть много земли удобной для хлѣбопашества. которая лежитъ не распахана. Крестьянство здѣшнее далеко отстало отъ россійскаго. Все у нихъ дѣлается небрежно и неосторожно. Все поразбросано. Уходъ за скотомъ плохой. Нѣтъ никакихъ теплыхъ сараевъ, хотя и есть изъ чего построить. Обросаютъ бревнами загонъ, да такъ и мучится по загонамъ скотъ, перенося голодъ и непогоду. Кормъ бросаютъ подъ ноги. Все это у нихъ дѣлается потому, что они разбаловались по тюрьмамъ да по пріискамъ, добывая золото, гдѣ зарабатываютъ большія деньги, которыя тотчасъ же прогуливаютъ. Работнику здѣсь жить легче, чѣмъ въ Россіи, потому что здѣсь трудъ цѣнится дороже. Чрезъ Сибирь проводится желѣзная дорога, а поэтому поднялась цѣна на все. По тракту ржаная мука отъ 1 рубля и доходитъ до 2 р. Картошка отъ 20 и до 80 коп. за пудъ. Мясо 10 коп. фунтъ. Сахаръ отъ 25 и до 40 коп. фунтъ. Соль 2 р. пудъ. Мѣстами намъ приходилось покупать по 10 коп. фунтъ. Лукъ продается на вѣсъ: отъ 5 и до 12 коп. фунтъ. Черный хлѣбъ покупаемъ отъ 3-хъ и до 7 коп. фунтъ, а бѣлый отъ 5-ти до 15-ти коп. фунтъ. Словомъ сказать, цѣны нѣтъ ничему опредѣленной, во всѣхъ мѣстахъ цѣна разнообразная на все. Все время мы не нуждались ни въ чемъ, средства имѣли для всей необходимости. Мы на пароходѣ на нагрузкѣ дровъ заработали 20 р. Можно было и больше заработать, но у Кирилла нога заболѣла, нельзя было носить. Теперь тоже есть маленькій заработокъ. Кирилла портняжитъ по офицерскимъ этапамъ. Одежду я до сихъ поръ ношу до-

машнюю, все еще цѣлая. Сапоги тоже еще добрые, пропали было подметки и подковы, и я подбилъ новыя. Теперь намъ выдаютъ кормовыхъ по 12 коп. въ сутки, раньше выдавали по 15 коп. Между арестантами мы живемъ богато. Они у насъ занимаютъ хлѣба, соли, картошки, чаю, сахару, крупы, денегъ, иголокъ, нитокъ, ножницъ, пильевъ, чернила, бумагу, словомъ всего, что нужно въ походѣ.

Получили-ли вы мое письмо, которое я писалъ вамъ 1 Сентября, когда мы еще ѣхали на пароходѣ по рѣкѣ Амуру? Послалъ заказнымъ. Сдать вскорѣ не пришлось, потому что намъ не пришлось ѣхать на почтовомъ пароходѣ, ѣхали на буксирномъ, а пріѣхавши въ Срѣтенское, тамъ тоже не пришлось сдать, потому что тамъ мы были одни сутки, да мы сидѣли въ темныхъ одиночныхъ карцерахъ за то, что не встали передъ офицеромъ, мимо проходящимъ. Сдалъ я его уже 26 Сентября въ Нерчинскѣ. Тамъ мы жили двѣ недѣли въ пересыльной тюрьмѣ. Гражданскіе арестанты тамъ были помѣщены на котлѣ. *) а намъ 3-мъ „военнымъ" выдавали кормовыя деньги по 12 коп. въ сутки. Я ходилъ съ солдатомъ на базаръ за продуктами, отдалъ тамъ письмо свое и Кириллово. Теперь мы находимся на Онинскомъ этапѣ, между Читой и Верхнеудинскомъ. Пришли сюда 6 Ноября, а выходить будемъ 26 Ноября. Тутъ пришлось долго жить по случаю задержки встрѣчной партіи. Здѣсь на этапѣ померъ одинъ человѣкъ, препровождаемый въ Верхнеудинскъ въ больницу. Онъ работалъ на желѣзной дорогѣ, рвалъ динамитомъ каменныя горы: тамъ его подбросило саженей 7 въ гору. Онъ пожилъ два мѣсяца и померъ. До Вернеудинска осталось идти еще 6 станковъ. Тамъ придется жить больше мѣсяца: задержитъ озеро Байкалъ. Пароходы по немъ перестали уже ходить, а льдомъ оно еще не покрылось. Оно покрывается въ крещенскіе морозы, а обходить кругомъ далеко: длина его до 400 верстъ, а ширина 60 верстъ. Намъ переходить его въ ширину.

Только я тѣмъ и несчастливъ, что до сихъ поръ не получалъ писемъ ни отъ васъ, ни отъ друзей. Силъ моихъ не достаетъ на ожиданіе получить отъ васъ сообщеніе о неизвѣстныхъ мнѣ событіяхъ. Если мнѣ придется получить, то это для меня будетъ великимъ счастьемъ. Напишите, приняты-ли А. и Ф. и какъ поступили ополченцы въ Сумахъ? Пишите такъ, чтобы можно

---

*) На казенныхъ харчахъ.

было получать. Если насъ будутъ сѣчь въ дисциплинарномъ батальонѣ и не будутъ дозволять писать въ письмахъ о томъ, что сѣкутъ, то для того, чтобы вы знали, что сѣкутъ, я буду писать черточки въ уголкѣ. Каждая черточка будетъ означать 10 ударовъ.

Сомнѣній нѣтъ ни въ чемъ. Теперь я узналъ, что мысли двоятся, пока войдешь въ положеніе; а когда войдешь въ положеніе, то нѣтъ ничего страшнаго, и мысль всегда живая. Теперь я такъ много увидѣлъ перемѣнъ и событій въ жизни, что и описать всего нельзя.

Прощайте, остаюсь живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю. Упадковъ духа не бываетъ: всегда чувствую себя весело и бодро. Желаю вамъ любви и мира.

Любящій васъ вашъ Петръ.

P. S. Ссылки въ Сибирь не бойтесь: въ Сибири лучше жить. Мнѣ разсказывали солдаты изъ Томской губерніи, что земля тамъ не раздѣлена, пашутъ кто сколько хочетъ; сѣно тоже косятъ, кто сколько хочетъ. Для скота вольно. Тамъ скота много разводятъ. Хлѣбъ родитъ хорошъ, сѣютъ больше пшеницу. Тамъ все дешево. Въ Тобольской губерніи тоже говорятъ хорошо.

14.

Иркутскъ.
Тюремный замокъ.

1897 года 3 Апрѣля.

Дорогой мой братъ!

Письмо твое я получилъ, и содержаніе его мнѣ очень понравилось. Какъ хорошо ты говоришь о томъ, какъ мы должны относиться къ каждому отдѣльному человѣку, т. е. „искать въ немъ то, что составляетъ его человѣческое достоинство, и на этой почвѣ поддерживать съ нимъ отношенія“.

Мнѣ приходилось много разъ вызывать въ людяхъ чувства, которыя составляютъ человѣческое достоинство. Въ своемъ положеніи приходилось мнѣ встрѣчаться съ людьми добрыми и злыми, и эти злые люди, встрѣтившись со мной первый разъ, кричали на меня, ругались и грозили наказаніемъ. Но когда я стану имъ говорить, что по человѣчески такъ поступать неразумно, — тогда они начинаютъ относиться ко мнѣ иначе.

Спрашиваешь о томъ, какъ мнѣ живется на новомъ мѣстѣ?— Жизнь моя, можно сказать, кочующая. Не успѣешь освоиться на одномъ мѣстѣ, а тутъ посылаютъ въ другое. Осенью находился въ дорогѣ. Зимовалъ въ Верхнеудинскомъ тюремномъ замкѣ, а весной опять сталъ переходить съ мѣста на мѣсто. 1-го Марта вышелъ изъ Верхнеудинска, а въ Иркутскъ прибылъ 19 Марта.

Сначала повели въ дисциплинарную роту. Тамъ я, по прибытіи, заявилъ начальнику роты, что учиться военному дѣлу не буду. Ему раньше было извѣстно изъ бумагъ, что со мной разомъ осужденъ и Кириллъ за одно дѣло, и онъ вызвалъ насъ изъ партіи солдатъ, прибывшихъ разомъ съ нами. Повелъ насъ въ другое помѣщеніе и тамъ по одному вызвалъ въ канцелярію и совѣтовалъ намъ оставить свои убѣжденія. На что мы сказали, что ни подъ какимъ видомъ не можемъ оставить. Онъ совѣтовалъ и угрожалъ: все не помогло. Тогда онъ отправилъ насъ въ одиночныя заключенія, гдѣ мы сидѣли 10 сутокъ. Туда приходилъ къ намъ одинъ разъ священникъ и посѣщало начальство. Со мной говорили меньше, чѣмъ съ Кирилломъ. На него больше настаивали за то, что онъ сначала учился, а потомъ отказался.

Начальникъ роты говорилъ ему такъ: пусть тотъ закоренелый, а ты недавно сталъ такого мнѣнія. Онъ тебя научилъ, а ты послушался, — ты лучше послушай меня. Я тебѣ говорю не какъ начальникъ, а какъ братъ по Христу и совѣтую тебѣ оставить свои убѣжденія, а дѣлать то, что тебѣ будутъ приказывать.

Онъ отвѣчалъ такъ: слушать и дѣлать я могу только то, что согласно съ моей совѣстью и непротивно ученію Христа.

Послѣ тихаго совѣта начальникъ переходилъ къ грозному требованію, но все это не подѣйствовало нисколько. Кириллъ остался твердъ и спокоенъ при своемъ убѣжденіи....

Послѣ обѣда насъ повели сначала къ воинскому начальнику, а потомъ отправили въ полицейское управленіе, гдѣ мы были двое сутокъ. Оттуда перевели въ тюремный замокъ, гдѣ и теперь находимся въ томъ отдѣленіи, гдѣ пересыльные содержатся. Долго ли придется здѣсь сидѣть, этого не знаемъ. Узнавши, напишу. Пишите въ тюремный замокъ, можетъ быть здѣсь придется долго сидѣть. Спрашиваешь: не нужно ли де-

ИЗДАНІЯ ВЛАДИМІРА ЧЕРТКОВА:

1. **Напрасная Жестокость.** О томъ, нужно-ли и выгодно-ли для правительства дѣлать мучениковъ изъ людей, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ не могущихъ участвовать въ военной службѣ?

   В. Черткова.

2. **Голосъ Древней Церкви** въ Защиту Свободы Вѣры.

   И. Трегубова.

3. **Помогите!** Обращеніе къ обществу по поводу гоненій на кавказскихъ духоборовъ, составленное

   П. Бирюковымъ, И. Трегубовымъ и В. Чертковымъ.

4. **Положеніе Духоборовъ на Кавказѣ** въ 1896 году, и необходимыя средства облегченія ихъ участи.

   П. Бирюкова и В. Черткова.

5. **Письма Петра Васильевича Ольховика,** отказавшагося отъ воинской повинности въ 1895 году, письмо Л. Н. Толстого и другія свѣдѣнія, относящіяся къ этому дѣлу.

Готовится серія изданій всѣхъ послѣднихъ писаній Льва Николаевича Толстого.

Адресъ редакціи:

VLADIMIR TCHERTKOFF.

«Broomfield», Duppas Hill, Croydon, London, (Angleterre).

30. Листки Свободнаго Слова, № 10. По поводу студенческаго движенія. *В. Черткова.* (Распродано) — 10
31. Листки Свободнаго Слова, № 11. Левъ Николаевичъ Толстой. Свѣдѣнія о немъ и отрывки изъ его писаній. (Экзекуція. Въ казематѣ, и др.) — 10
32. Листки Свободнаго Слова, № 12. Два письма Л. Н. Толстого. (О религіозномъ воспитаніи и церковномъ обманѣ). — 10
33. Листки Свободнаго Слова, № 13. Правительственныя насилія въ Остзейскихъ губерніяхъ и Рижскіе безпорядки въ маѣ 1899 года. — 20
34. Жизнь и ученіе Іисуса. *Л. Н. Толстого.* — 25
35. Финляндскій разгромъ. Сборникъ подъ редакціей *В. Черткова.* — 60
36. Листки Свободнаго Слова, № 14. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 20
37. Листки Свободнаго Слова, № 15. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 20
38. Листки Свободнаго Слова, № 16. Патріотизмъ и правительство. *Л. Н. Толстого.* — 20
39. 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Записки *Л. А. Волкенштейнъ.* — 40
40. Мысли о Богѣ. *Л. Н. Толстого.* — 30
41. Практическій учебникъ англійскаго языка, примѣненный для русскихъ переселенцевъ въ Америкѣ. — 60
42. Листки Свободнаго Слова, № 17. „Не убій". *Л.Н.Толстого.* По поводу убійства короля Гумберта. — 10
43. Рабство нашего времени. *Л. Н. Толстого.* 2ое изд. — 50
44. Листки Свободнаго Слова, № 18. Гдѣ выходъ?. *Л. Н. Толстого* и выдержки изъ его писемъ за 1900 г. — 15
45. Неужели это такъ надо? *Л. Н. Толстого.* — 30
46. Списокъ матеріала о духоборахъ. Составилъ *В. Бончъ-Бруевичъ.* (Разошлось.)
47. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 1-ый. Письма П. В. Веригина. Подъ редакціей *В. Бончъ-Бруевича.* 1 —
48. Теодоръ Паркеръ. О вопросахъ религіи и біографія автора. Переводъ съ англійскаго. — 40
49. Похищеніе дѣтей Хилковыхъ. По матеріаламъ, собраннымъ *В. Чертковымъ.* — 50
50. Отчетъ издательства „Свободное Слово" за 1897 — 1900 гг. (Разошлось.)
51. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 2-ой. (Двѣ духоборческія рукописи). — 30
52. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 3-ій. Разсказъ духоборца Васи Позднякова. — 40
53. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 4-ый. Духоборцы въ дисциплинарномъ батальонѣ. — 50

54. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 5-ый. Духоборцы въ тюрьмахъ. (Печатается).
55. Листки Свободнаго Слова, № 19. — 40
56. О смыслѣ жизни. Мысли *Л. Н. Толстого.* — 40
57. Листки Свободнаго Слова, № 20. Царю и его помощникамъ. Обращеніе *Л. Н. Толстого.* — 15
58. Листки Свободнаго Слова, № 21. — 40
59. Листки Свободнаго Слова, № 22. Отвѣтъ Синоду Льва Николаевича Толстого. — 15
60. Листки Свободнаго Слова, № 23. — 40
61. Изложеніе Евангелія. Съ примѣчаніями, взятыми изъ книги „Соединеніе и переводъ 4-хъ Евангелій". *Л. Н. Толстого.* 1 50
62. О половомъ вопросѣ. Мысли *Л. Н. Толстого.* — 50
63. Унитаріанское христіанство. Переводъ съ англійск. — 25
64. О вѣчномъ и преходящемъ въ религіи. Переводъ съ англійскаго. — 25
65. Альбомъ художественныхъ иллюстрацій Л. О. Пастернака къ роману Л. Н. Толстого „Воскресеніе". 1 50
66. Листки Свободнаго Слова, № 24. Единственное средство. *Л. Н. Толстого.* — 30
67. Каталогъ изданій „Свободнаго Слова". Съ содержаніемъ. (Разсылается безплатно).
68. Отчетъ издательства „Свободное Слово" за 1901 годъ. (Разсылается безплатно).
69. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 6-ой. Преслѣдованіе баптистовъ. — 75
70. Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого, запрещенныхъ русской цензурой.
Томъ I. Вступленіе къ Критикѣ Догматическаго Богословія. (Исповѣдь). — 75
Томъ VII. „Въ чемъ моя вѣра?" 1 50
Томъ VIII. „Такъ что-жъ намъ дѣлать?" 2 —
71. О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ. Три письма *Л. Н. Толстого.* — 25
72. О вѣротерпимости. *Л. Н. Толстого* — 15
73. Солдатская памятка. *Его же.* — 15
74. Офицерская памятка. *Его же.* — 15
75. Что такое религія и въ чемъ сущность ея? *Его же.* — 60
76. Листки Свободнаго Слова № 25 — 05
77. Мысли о воспитаніи и обученіи *Л. Н. Толстого.* — 30
78. Къ рабочаму народу. *Его же.* — 50
79. Іисусъ: Богъ или Сынъ Божій? *Пэджъ-Гопсъ.* — 25
80. Противъ войны. Двѣ статьи *Л. Н. Толстого.* — 30
„Свободное Слово". Періодическое обозрѣніе. Вышли 3 номера. Цѣна каждаго номера — 40

UB
342
R9
056

Ol'khovik, Petr Vasil'evich
Pis'ma Petra Vasil'-
evicha Ol'khovika

~~Physical &~~
~~Applied Sci~~

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY